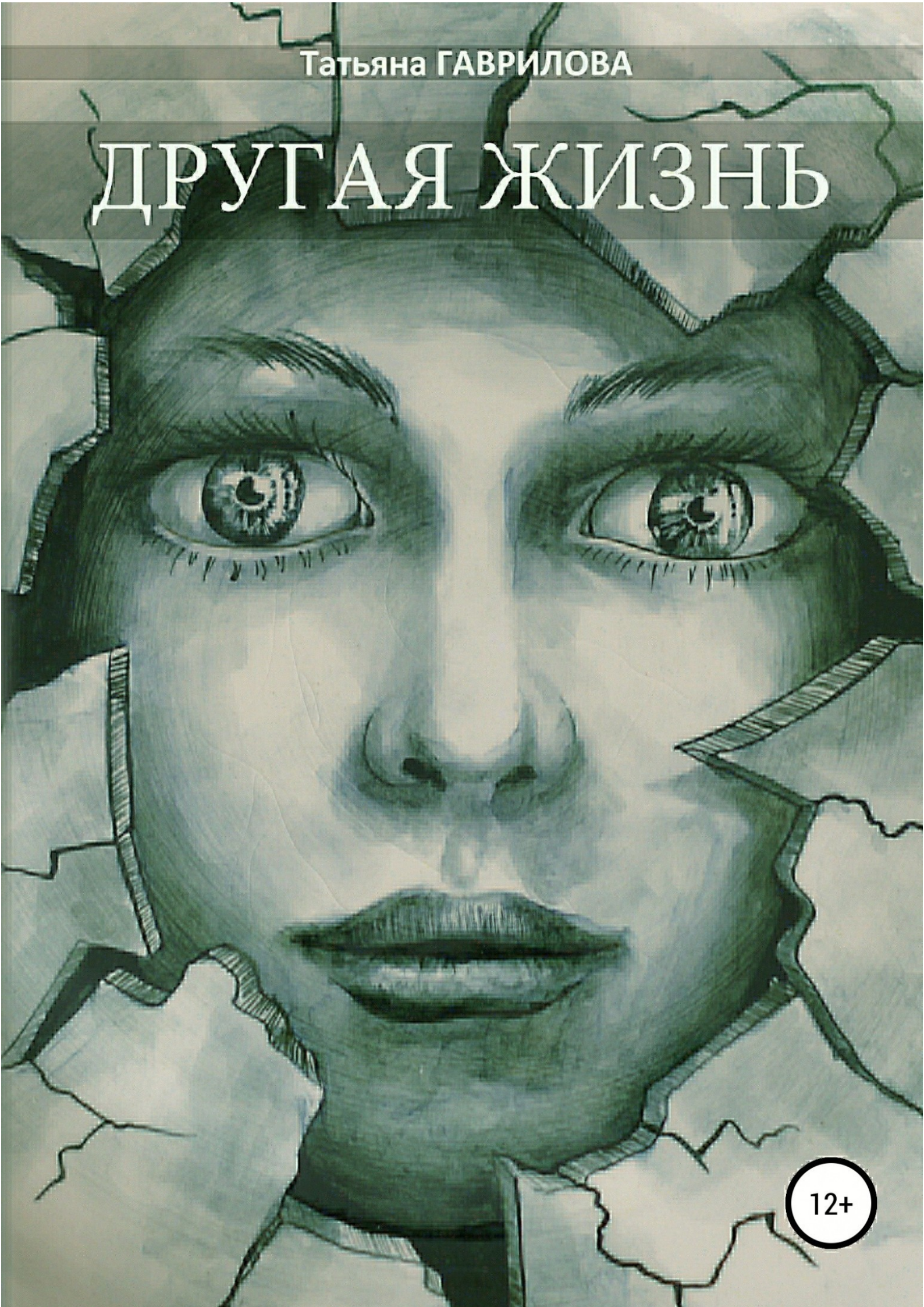

Татьяна ГАВРИЛОВА

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

12+

Татьяна Гаврилова

Другая жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Гаврилова Т. В.

Другая жизнь / Т. В. Гаврилова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-5321-2364-9

Жизнь Лены, наполненная любовью и планами на будущее, меняется в один момент, пожар сжигает родительский дом, заменяет свет мраком, радость – болью, общение – одиночеством. Согласившись на эксперимент, Лена оказывается в Другой Жизни, не имея представления о том, кто она такая. По странному стечению обстоятельств, она занимает место незнакомой ей девочки, потому, что она на нее необыкновенно похожа. Несколько дней проходят в попытках доказать, что это ошибка. Не зная о себе ничего, она пытается найти родителей и место в мире, в то время как в экспериментальном городе Антон, не сумев справиться со своим чувством, отправляется на поиски Лены.

ISBN 978-5-5321-2364-9

© Гаврилова Т. В., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Елена	5
Воплощение	18
Бегство	23
Ловушка.	29
Пробуждение.	30
Поиски.	34
Знакомство	36
Другая жизнь	41
Встреча.	44
Пробуждение 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена

Она сидела перед камином. Зажженный камин летом. Ничего мистического. Просто испытание. Каждый раз испытание. Или уже не лето? Она потерялась в датах, а вернее сказать, потерялась во временах года, во времени, а если еще точнее сказать, – она еще только собиралась потеряться во времени.

– Елена, чай! – прокричали снизу.

А это значит, что она должна подняться из кресла, аккуратно двигаясь, поскольку это все еще причиняло боль и различая... да нет, ничего не различая, а полагаясь на интуицию, дойти до лестницы. Стараясь не упасть, медленно спуститься по ступенькам и, привычно вымеряя шаги, пройти до стола.

Если задуматься, то она едва могла двигаться, потому что каждый шаг был и болью, и воспоминанием одновременно. Каждый шаг напоминал ей, что она не может теперь увидеть то, что видела раньше, она не может радоваться свету, солнцу, и каждый шаг вызывал сожаление, что тогда, раньше, она зачастую не замечала каких-то вещей, пропуская их мимо взгляда.

Здесь висела картина, которую она не может видеть сейчас. Она толком даже не помнит, что там было нарисовано. Какой-то пейзаж? Она только помнит, что цвет деревьев на ней был желтовато-оранжевый. На этом стуле сидел ее любимый плюшевый заяц. Заяц был изрядно потрепанный, с пришитым белыми нитками ухом и проваленным от старости пузом, но она хорошо могла воссоздать его в своем воображении. Заяц и сейчас сидит. Она дружески похлопала его рукой по морде. А эта выщерблина на поручне лестницы была так давно, и так долго папа ее собирался заделать, что она уже не занозила руки, отполированная скользящими ладонями. Чересчур осторожно ставя ногу, она определенно оттягивала момент застолья. Почему? Она не могла себе этого объяснить. Может быть, поднимающееся чувство тоски и одиночества, может, цепкий взгляд тети не давали ей наслаждаться едой? Или это была просто неловкость, за то, что она не научилась и наверняка так уже и не научится существовать в этой жизни самостоятельно?

Наконец она устроилась за столом и, почувствовав скрытое недовольство тети, попыталась сгладить ситуацию.

– Ну, как погода?

– Погода? Настоящая осенняя, промозгло и сыро, – пожаловалась тетя, хотя больше из вежливости, потому что глухое раздражение на задержку племянницы все еще не прошло.

«Да, – подумалось Лене, – Значит осень. Или почти осень. Столько времени моей жизни прошло мимо! Ведь все началось весной».

Мысли о весне сняли напряжение с ее лица. Она вспомнила, как они с Антоном устраивали гонки на лошадях. Вообще лошади были ее самым большим увлечением. Она могла пропадать в конюшне часами, просто наблюдая за ними, могла чистить стойла или делать любую другую работу. Иногда казалось, что лиши ее этой возможности – и все в жизни пойдет наперекосяк. Своих лошадей у них в семье не было, поэтому она, начав ходить на конюшню с Антоном к его лошади, вошла во вкус, полюбила лошадей и всегда в нужный момент была на подхвате. Видя ее преданность, сотрудники разрешали конные прогулки, если хозяева животного были в отъезде. Сначала это было недалеко, недолго, а потом, когда она стала уверенно держаться в седле, практически без ограничений по времени и расстоянию. Они могли часами носиться с Антоном наперегонки, наслаждаясь скоростью, как полетом.

«Теперь уже никогда...» – подумала она, и ее лицо снова омрачилось.

«Бедная девочка, столько всего пережить – размышляла в то же самое время тетя, и от воспоминаний раздраженность сменилась беспокойством о будущей разлуке. – А сколько всего надо будет пережить! Бедная девочка!» – и она не смогла удержать вздоха.

«Бедная девочка» пила чай, аккуратно нащупывая чашку и стараясь ее поставить на тоже самое место. Ее лицо не выражало ничего. А что может выражать лицо с повязкой вместо глаз, без губ и бровей, покрытое шрамами и больше напоминающее маску? Что может выражать лицо, которого нет? Лицо, сожженное огнем почти до тла?

Наконец чай был закончен. Путь назад много труднее, потому что каждый раз это путь к огню, а огонь – это испытание. Ее испытание.

Когда-то, и, кажется, это было в другой жизни, она была счастлива и беззаботна. Хотя, если подумать, она и сейчас была беззаботна, потому, что за нее все делали другие люди, сейчас – тетя, а раньше – мама и папа. Счастлива? Смотря что считать счастьем. Многие думают, что ее можно назвать счастливой – она выжила, дальше у нее будет другая жизнь. Другая жизнь...

Жар от камина касался кожи и это вызывало боль, но она не отодвигалась. Она вспоминала.

Ее детство, казавшееся еще несколько месяцев назад совершенно обычным, теперь представлялось сказочным. Ее родители, бросившие в одночасье родные города и приехавшие в эту глушь ради эксперимента, нашли здесь интересную работу и взаимную любовь, построили дом, похожий на замок, и баловали ее, родившуюся вскоре после их свадьбы, всячески.

Ей было очень хорошо дома. Всегда. Она любила сад с огромными старыми деревьями, сохраненными во время строительства, любила ловко подстриженные кустарники, цветы, которых больше ни у кого не было.

Как Антон очутился первый раз в ее доме, она не помнила. Возможно, они к ним забежали после школы? Или он пришел за заданием после болезни? Может они сблизилась после ее дня рождения в пятом классе? Тогда родители пригласили много детей и еще клоуна, который играл на гармошке и пел смешные песенки. Все его веселье было каким-то ненатуральным, зато настоящими были призы, которые клоун раздавал детям. Приз полагался и за прыжки через скакалку. Побеждал самый выносливый. Кто бы мог подумать, что какой-то мальчишка выиграет у нее это соревнование? Целую неделю после праздника они с Антоном на всех переменах и после уроков «перепрыгивали» друг друга, но так и не определились с безусловным лидером. Зато подружились.

Потом они часто забегали друг к другу в гости. Виделись и в школе, и дома, вместе гуляли, и родители стали спрашивать, как идут их дела – у него в семье про нее, у нее – про него.

«Мы просто гуляли, – думалось ей. – Просто гуляли...»

Незаметно для них самих в их жизни появилось много общего, и они стали оберегать свои разговоры от чужих ушей, а счастливые глаза – от чужих взглядов. Да и гуляли теперь далеко за пределами их сада.

Как-то раз он спросил ее:

– Сколько звезд ты видишь на небе?

– Звезд? – удивилась она, – Ни одной!

И для проверки подняла голову.

Облака застилали небо так плотно, что даже Луну трудно было различить, не то, что звезды. И тут он поднял руку и сказал: «Смотри!».

– Смотри, вот она!

И из маленького клочка чистого неба смотрела самая настоящая яркая звезда. С тех пор это было их любимым развлечением.

«Сколько звезд ты видишь?». Ей давно никто не задавал такого вопроса. С того самого дня, как сгорел их дом.

– Сколько звезд на небе? – спросил он тогда.

И она, поддавшись какому-то необъяснимому порыву счастья, подарила все звезды неба ему. Она раскинула руки и запрокинула голову, непрерывно повторяя :

– Все твои, все твои, все...

Они не заметили поднявшегося ветра, просто не обратили на него внимания, как и на тучи. Они не заметили надвигавшейся грозы, потому что внутри бушевало такое, что затмило все стихии мира, то, что сияло и вспыхивало ярче, чем все молнии мира. ...Опомнились они от раската грома у них над головой, разрывающего небо и землю на части.

Молнии били и били, а они стояли, прижавшись друг к другу, и были счастливы. А потом что-то вспыхнуло в стороне родительского дома. ...

«Как далеко они с Антоном сегодня зашли!» – подумалось ей тогда.

Еще удар грома. И опять молнии. Боже! Это горит их дом.

И она побежала. Слышала ли она его крики? Знала ли зачем бежала? Теперь кажется, что нет. Под проливным дождем и мечущимися молниями она, спотыкаясь, падая и опять спотыкаясь, неслась к дому, внутри которого разгоралось пламя. Это пламя стало пожаром, сжегшим ее жизнь. Но разве тогда она знала об этом?

– Уже совсем близко, ...близко, ...близко...

И сердце заходило от бега, страха и неопределенности. Кто знает, бежал ли Антон зади, кто знает, был ли он впереди. Ее ноги не очень удачно находили дорогу в темноте, платье намокло, а прекрасные выющиеся каштановые пряди застилали глаза и забивались в рот.

– Уже близко, близко, – думала она, сбегая с одного холма и поднимаясь на другой, переводя дыхание перед последним рывком в сторону дома.

– Уже близко...

Когда она подбежала к дому, на втором этаже все пылало.

– Боже, они спали, они спали, – непрерывно повторяла она.

Со всех сторон поселка спешили люди. А ей тогда казалось, что никого нет, и никто не может помочь ее маме и папе лучше, чем она сама.

– Боже, они спали... Но, может, им удалось спрятаться, может они просто не могут открыть двери? Надо помочь им выбраться из огня!

И она влетела в дом и, пробежав коридор, открыла дверь. Она попала прямо в ад, в огонь, который достался ее близким. Казалось, ее сбilo с ног, казалось, отбросило. Но на самом деле она не помнила, что случилось, и не видела, как подбежали люди, гасили на ней одежду и волосы, заливали водой ее и двери. Она помнила только свой порыв и первую боль в госпитале. И взгляды, которые она чувствовала, потому что видеть уже не могла.

Как только она пришла в себя, дни были отданы боли и воспоминаниям.

Вот они сидят с родителями в круглой комнате. Хотя вся комната круглой и не была, а только ее часть с окнами на сад. В центре этой комнаты стоял круглый стол. Ей, девочке, стол казался огромным, а мама и папа, сидящие по другую его сторону, такими далекими. Поэтому она всеми правдами и неправдами садилась к ним ближе, немного сдвигая стул с назначенного ему места. Если они не замечали уловки, или делали вид, что не замечают, она поддвигала стул еще ближе... и еще ближе, пока они не делали вопросительных глаз. Это было сигналом для остановки стула. После этого она почти незаметно (так ей казалось) подтягивала к себе тарелку с прибором и начинала есть, наслаждаясь соседством родителей.

– Ну, как у тебя в школе? – обычно спрашивал папа.

Как может быть в школе у хрупкой и вполне симпатичной девчушки с кудряшками, разбросанными по плечам? Обычно неплохо. Поэтому ответ «нормально» был привычным началом обеденной беседы. И тогда следующим вопросом был кот.

– Как котик? – спрашивала мама

После этого шла целая повесть о том, как любимый кот на целый день пропал со школьного двора. Они же его кормили! Всему классу было непонятно, почему он ушел, и весь класс, исключая разве что самых хулиганистых мальчишек, убил все перемены на поиски потеряшки. Кот, надо сказать, был себе на уме и старался ничего важного в своей кошачьей жизни не

пропускать, поэтому не только терялся, но и приходил ободренным, с выщипанной шерстью и часто грязным по самые уши. Поэтому редкий день о нем нечего было рассказать.

Все это было только началом разговора. Самой важной его частью был распрос о новеньких. И если какой-то новенький появлялся в школе, то обеды затягивались много дольше обычного, потому что и мама, и папа с интересом спрашивали ее о том, какой он, как он себя ведет. И одно только знала она в то время – такой интерес был как-то связан с их работой.

Все новенькие, действительно, были очень странные – испуганные и, как правило, не знавшие откуда они приехали, где их родители и даже, как их зовут. Учителя представляли их по именам, но они плохо откликались на них, и складывалось впечатление, что они их слышат впервые в жизни. Таких ребят особенно опекали. Сначала они жили в интернате, а позже их обязательно кто-то брал в семью. Через месяц-два они вливались в коллектив, с легкостью догоняли программу, баловались и становились совершенно неотличимы от сверстников.

К выпускному классу школы она знала, что живет в поселке биологов-биоэнергетиков, занимающихся специальными разработками по продлению жизни, знала что ее родители тоже биологи-биоэнергетики и все их силы, опыт и знания уходят на эксперимент, который называется «Еще одна жизнь». Хотя, конечно же, то, что делали эти люди, давно уже вышло за рамки эксперимента и приобрело определенный размах, который требовал больших знаний, лучшей организации и новых структур по всей стране.

Вначале первые опыты по продлению человеческой жизни не приносили ощутимых результатов. Или, по крайней мере, это так казалось. Была изобретена сыворотка, омолаживающая человека примерно на пять лет. Это омоложение можно было проверить лабораторно, когда при анализе тканей и систем человека становился понятен ее эффект. Уходили даже хронические болезни, проявившиеся у этого человека за последние годы.

Но пять лет – это не тот срок, который ставили перед собой ученые. Предположили, что при регенерации и восстановлении организма после первого приема сыворотки, повторный ее прием даст аналогичный эффект – омоложение еще на пять лет. Попробовали. Оказалось, что следующий прием сыворотки вызывает неожиданно быстрое старение организма, вместо того, чтобы омолаживать. Что не так? Почему сыворотка не работает повторно? Может быть промежуток между приемами слишком мал? Почему она никак не действует при приеме в третий раз? Может быть мозг блокирует ее действие, так как не хочет слишком быстро и кардинально молодеть? Или не может? Может быть электромагнитные колебания тела перестают соответствовать электромагнитным колебаниям мозга?

Вопросы, вопросы... Целый поселок бился над ответами, пропадая на экспериментах, задерживаясь допоздна и в выходные сбегая из дома в лаборатории. И тогда кто-то изобрел НЭЖ – набор электромагнитных колебаний, совпадающих с колебаниями электромагнитной решетки тела человека. Понятно, что для каждого человека НЭЖ был уникальным, хотя сыворотка имела универсальное применение. Это был прорыв. Сыворотка подготавливала тело изнутри, а вибрации НЭЖ должны были вступать в резонанс с вибрациями головного мозга и удерживать человека в состоянии молодости пару сотен лет. Так планировалось.

Этот первооткрыватель кода невольно стал и первым испытуемым. Через несколько дней, задержавшись в лаборатории до ночи, он пропал. Никто не смог его найти. Ни обращения в полицию, ни развешенные листовки с его фотографией, ни газетные статьи по всей стране, оповестившие об его исчезновении, ни обсуждение этого странного случая на телевидении не прояснили ситуации.

Как только страсти немного улеглись, исчез другой биолог и тоже без следа. Он, как и предыдущий, не оставил никакой записки, не взял с собой ни одной вещи. Он просто пропал, засидевшись в лаборатории допоздна.

И опять его искали по всей стране. И опять не смогли найти даже следа. Была выдвинута версия, что эти разработки настолько ценны для конкурирующих стран, что ученых про-

сто-напросто крадут спецслужбы, хорошо подготавливая эту операцию. А кто-то говорил, что эти открытия определенно ведут к изменениям планетарного масштаба, и поэтому к краже ученых имеют отношение инопланетяне. И поначалу никто не обращал внимания на заметки в газетах и репортажи о людях, странным образом появляющихся на обочинах дорог, в поселках и городах, иногда странно одетых, но всегда ничего не помнящих о себе. Эти люди не знали, как их зовут, откуда они пришли, сколько им лет, и, в довершении всего, их никто никогда не искал – об их пропаже не объявляли в газетах, не обращались в телепередачи, их приметы не совпадали с приметами пропавших за последние годы людей. У них не было документов, родственников, места жительства.

Что знала об этом Лена? Ничего до старших классов школы. Это сейчас она вспоминает объяснения родителей, рассказы и заметки, вырезанные и сложенные по папкам в их библиотеке. Это сейчас она понимает, почему новенькие ученики вызывали такой интерес. И это сейчас у нее самой есть все необходимое для еще одной жизни.

Ее мучили воспоминания. Они приходили друг за другом, вызывая то улыбку, то грусть.

Сколько звезд на небе, она в этой жизни уже не увидит. Его она не увидит тоже. Она знала, что он не приходил к ней в больницу, но почему не приходил, спросить боялась даже себя. Хотя снова и снова спрашивала, произнося это риторическое «почему?», стискивала зубы, запрещая себе об этом думать, и опять мучила себя домыслами, догадками и самыми тяжелыми мыслями, которые могут посетить любого, даже не находящегося в ее положении человека. Понятно, что у них не было надежд на будущее. Но ради прошлого...

– Сколько звезд на небе?

– Я дарю их все тебе!

И опять гром, молнии и горящий дом. И опять вопрос.

Ей нельзя, совершенно нельзя волноваться. Ей надо выздороветь и уходить в другую жизнь. И она опять вернулась к размышлениям.

Став взрослее, она узнала всю историю исканий вечной жизни и в сотый раз за время болезни рассказывала ее сама себе.

Начавшись с простой цели увеличения жизненного срока и омоложения, исследования как-то перешли на другой виток, пока еще, видимо, никому незаметный. Одни люди из их поселка пропадали, странные другие находились в разных частях страны. И так как происходило это не часто, не имело массового характера, то случаи воедино не связывали. Просто усилили охрану лабораторий и установили везде камеры слежения.

Эти камеры и зафиксировали, что биолог, входя в магнитно-резонансный блок, исчезал что называется без остатка. Правда, случалось это редко, поэтому больше все-таки думали о проделках высших сил или инопланетянах, нежели о достижении или перевороте в науке.

Как рассказывалось, было это до тех пор, пока один из биологов не предположил, что количество пропавших примерно соответствует количеству «невостребованных найденышей» и, перевернув все подшивки газет за последние годы, рискнул выйти с этим на конференцию. Опираясь фактами, он практически доказал научному миру, что после употребления сыворотки, при входе в магнитно-резонансный блок, случалось перемещение человека в пространстве и во времени. Загвоздкой оставалось только то, что внешность найденных людей совершенно не походила на исчезнувших из их поселка, да и возраст был моложе, хотя последнее как раз и не конфликтовало с действием сыворотки. Могло ли это быть непреложным следствием выхода из магнитно-резонансного блока? Смелое предположение. Для его доказательства требовались испытуемые.

Одновременно продолжающиеся работы показали, что омолаживающая сыворотка действительно уменьшает не только реальный возраст человека, но и убирает болезни, которые мешали ему полноценно жить. Это ее свойство послужило основой для подключения разного типа больных к экспериментам над продлением жизни.

Лена вспоминала разговор с мальчиком из класса, который рассказывал, что родители готовят его к другой жизни, к переходу, потому что он был тяжело болен. Его привозили в школу на инвалидной коляске, так как он перестал ходить вследствие того, что мышцы ног атрофировались, и в будущем это должно было случиться со всем телом.

Лена иногда болтала с ним на перемене, особенно если ссорилась с подружками и оставалась в классе.

– Знаешь, – сказал он однажды как-то очень по-взрослому, – Я очень хочу взять тебя с собой в другую жизнь.

Почему у него была уверенность, что она обязательно захочет уйти от своих родителей? Уверенность, что она захочет оставить поселок, больше похожий на уютный небольшой городок со своими чистыми улицами, кинотеатрами и кафе? Да и расстаться со своими подругами ей было бы крайне тяжело. Она удивилась, но расстраивать его не стала:

– Я бы согласилась, это же так здорово, там же все другое.

– А я боюсь, – честно признался он, – Я знаю, что ничего не буду помнить. И родителей не будет. Наверно, я всего боюсь.

– Да ладно, – сказала она ему тогда. – Будешь бегать, играть в футбол, а потом еще изобретут что-то, и мы сможем встретиться и узнать друг друга.

– Точно изобретут, – совсем без оптимизма согласился он.

Этот мальчик, о котором она сегодня вспоминает, рассказывал, как трудно сделать этот последний шаг в другую жизнь. Как каждая окружающая его вещь приобрела вдруг особое значение, как все вокруг хотелось взять в руки и держать, запоминая запах или ощущение.

Эти последние дни перед переходом слились для него в одну большую череду прощаний – с любимой кошкой, плюшевым медведем, родителями. Точно как сейчас у нее.

– Знаешь, – говорил он, – Как представляю, что меня здесь не будет, так и уходить не хочется.

Ленка поддакивала, косясь на подружек, но оставить такую важную тему не решалась.

– Тебе же уходить не обязательно, ты можешь остаться и быть здесь.

– Это общее решение, ради будущего, – говорил он с такой тоской, что не верилось, что это было решением вообще.

Теперь и она думала о том, что надо уходить, и теперь уже она не понимала, где взять силы и решимость, хотя и знала – это необходимо для ее же блага. Но смириться с этим не могла. Она не могла потерять этот дом – наполовину выгоревший, наполовину разрушенный, свой сад, любимые вещи, прошлое в конце концов.

Жили они с тетей в двухэтажной пристройке, очень маленькой, построенной в свое время как домик для гостей и отделенной коридором от основного здания.

В этот коридор она и вбежала во время пожара.

Теперь за ним были только остовы стен и глазницы высоких окон. Все, что осталось от ее старой жизни было здесь, в пристройке, – две спальни на втором этаже, библиотека, она же маленькая гостинная, – на первом. Да еще крохотная кухня-столовая.

Все, что было внутри этого пространства, бережно ею оберегалось – и зеленые тяжелые занавески, и маленькое бюро, купленное родителями по случаю, больше как баловство, но сочетающееся по назначению и стилю со стеллажами библиотеки, кожаным диваном в углу, мягкой зеленой плюшевой софой и однотонными креслами посередине.

Кресел было два. На одном в старые времена сидела обычно она, поджав ноги и закутавшись в плед. На другом. ... На другом обычно не сидел никто, потому что мама и папа сидели на диване. Вернее сидела мама, а папа лежал, положив голову ей на колени. Это были сладкие часы бесед и телевизора, не отягощенные воспитанием, переживанием или выяснением чего-либо.

Сейчас она знала, что все так и осталось. Но видеть этого уже не могла. Как не могла видеть садик за окном, стриженные деревья, заморский цветок на клумбе, казавшийся ей всегда сказочно красивым.

Лена оборвала себя на воспоминаниях и вернулась к размышлениям об истории продления жизни.

Безусловно большой удачей было привлечение к экспериментам больных людей. Им в качестве лечения предлагалась омолаживающая сыворотка, которая должна была не только омолодить их, но исцелить от недугов.

К концу экспериментов все действия сыворотки были изучены, написаны сотни засекреченных работ и организованы тысячи закрытых научных конференций, подтверждающих ее огромную ценность. Стало понятно, что омоложение можно производить один раз в течение жизни с ограничениями по возрасту – маленьким детям не подходило такое лечение. Самый ранний возраст, 15 лет, был определен законом. Максимального возраста не было.

Многие люди избавлялись от смертельных болезней, а возможность использовать сыворотку появилась у всех. Лекарство выдавалось по предписанию врача, и имя больного заносилось в общую базу данных, исключаящую возможность использования ее вторично для одного человека.

– Лена, к тебе пришли! – прокричала снизу тетя.

И далее по лестнице легкие шаги и снова предупреждение:

– К тебе медсестра!

Да, ей все еще нужна была перевязка и уколы, посещения доктора и осмотры. И все это для того, чтобы были силы уйти.

– Соня, Сонечка – это вы? – Попробовала она свой голос. Говорить до сих пор было непривычно и от этого казалось больно.

– Я, кто же еще, Леночка. – ответила Соня, появляясь в дверях.

– Врач будет завтра, ты же знаешь. А я вот сейчас перевяжу...

И она начала устраиваться за столом, открывая свой чемоданчик, звякая какими-то склянками и шурша бумагой. Что-то она ставила, что-то двигала на столе и открывала. Каждый раз Лена загадывала, в какой последовательности будут звуки – сначала склянка, а потом металлическое позвякивание или сначала бумага, и потом хлопок пакетика. И каждый раз ошибалась. То ли Соня была непредсказуема, то ли манипуляции были разными, хотя казались одними и теми же. Даже запах лекарств не менялся месяц от месяца, Лена была в этом уверена.

– О, у тебя все прекрасно заживает, – промурлыкала Соня.

И было непонятно, успокаивает она ее или говорит правду.

«Да и все равно, – подумалось ей, – Зачем мне эта правда?».

А вслух она спросила: – Как там на улице, Сонечка?

– На улице ветер... и дождь собирается. Осень...

Да, осень...

А все случившееся с ней было в первую майскую грозу, первую любовь, последний класс школы с первыми серьезными планами дальнейшей жизни. А уже осень. Два месяца она провела в больнице – в боли, ожиданиях, надеждах. Через месяц она узнала, что ее родителей больше нет, глаз тоже, и он, первая любовь, забыл о ее существовании.

Еще месяц она надеялась, что это ошибка. Родители живы, зрение обязательно вернется, а он просто не мог ее предать. После выписки из больницы у нее осталась тетя, Соня, лечащий врач и крах всех надежд.

– Соня, а сколько мне еще восстанавливаться?

Она не знала хочет ли слышать ответ, потому что и быстро, и долго все было для нее одинаково пугающе.

– Я не знаю, доктора спроси. Доктор тебе точно скажет, когда будешь бегать, видеть, смеяться.

...Значит, осень. А тетя говорила, лето, и позволяла зажигать камин в виде исключения. Хотя, может, тогда и было лето. Она давно не спрашивала, какой месяц, а как уменьшаются дни, и ночь все больше завоевывает пространство, видеть не могла.

Ей сделали укол, сняли повязку с глаз, заменили на другую, выдали таблетки, сверх тех, что она пила ежедневно и пожелали приятного вечера, хотя она и не могла предположить, какое сейчас время дня. Жизнь складывалась так, что она спала, когда спалось, а ела, когда предлагали, не спрашивая обед сейчас или ужин, больше ориентируясь на состав блюд. Но даже это зачастую было трудно и неинтересно отслеживать. Гораздо интереснее было вспоминать, что она и делала сутками напролет, когда не спала, потому что потом, после ухода, воспоминаний у нее не будет.

Итак, история. Наблюдая как уходят недавние заболевания и двигаясь в своих экспериментах дальше, ученые вернулись к совмещению сыворотки с магнитно-резонансным кодом, то есть так называемому НЭК. Так как практически все свойства сыворотки были изучены, то основные силы оказались брошены на дальнейшие разработки по глобальному продлению жизни. И через очень небольшое время первоначальная задача по продлению жизни на сто двести лет модифицировалась в задачу предоставления другой жизни. Эксперименты всегда подразумевали уход человека. Вход в магнитно-резонансный блок в ее поселке «ДруЖи» означал выход в месте, которое никто не мог предсказать. Это пугало больше всего.

Ее родители часто задерживались на работе. Приходили иногда подавленные, иногда радостные, но никогда и ничего не рассказывали о том, чем занимались. Все ее вопросы о работе пресекались фразой: «Это секрет». Она, конечно же, протестовала, подлизывалась, убеждала их, что умеет хранить секреты, и просила, чтобы хотя бы один секретик они ей рассказали. Но они были непреклонны. Вернее, мягки и непреклонны. Сейчас она иногда думает – разве было сложно что-то сочинить, чтобы оказать ей доверие и поведать какой-нибудь выдуманный секрет? Она бы его обязательно хранила, чувствовала свою важность, причастность. А если бы и разболтала, то ущерба не было бы совсем.

Но может быть родители как раз и не хотели, чтобы она выбалтывала выдуманные секреты, делая себя смешной в глазах других? Может быть, боялись сплетен, когда она, не удержавшись от искушения, произнесла бы фразу: «а мне по большому секрету родители сказали, что у них на работе...» или «ты только никому не говори, родители сказали, что это секретно»? Может они просто так уставали, что предпочитали, уходя от ответа и выдумок, полностью обезопасить своих близких? Теперь уже не спросишь.

Как только очередной этап исследований завершился, проходили все важные совещания, публиковались научные работы, которые потом выносились на закрытые конференции для обсуждения и о достижениях по продлению жизни говорили в теленовостях, родители обязательно устраивали что-то особенное. Они могли взять незапланированный отпуск и уехать с Леной в большой город с зоопарком и парком развлечений или на пару дней выехать в лес и стоять в палатке около речки, спать на земле, готовить на костре, или поехать в горы, или просто устраивать дружеские посиделки до полночи, разрешая Лене не уходить спать в обычное время. В это время они даже могли что-то рассказать о работе, но не подробнее, чем это можно было узнать из любых других источников.

Со своими размышлениями она почти не заметила ухода медсестры, хотя для нее это было практически единственным развлечением. Не заметила часа после этого и почти не услышала зова тети на обед. Вставать не хотелось, хотя с каждым днем сил у нее становилось все больше. Просто неотвратимость ухода разделяла ее надвое, и эти двое постоянно спорили внутри нее и не могли прийти к единому решению. Эти двое – Она и Она задерживались на воспоминаниях детства, мечтах и внезапно поднимающихся обидах о том, что ее все забыли.

И когда тетя позвала еще раз, а она спустилась, придерживаясь установленных сразу после больницы меток – стул, столик, перила, ступенька, еще ступенька, первая, вторая... тринадцатая ступенька, стул, вешалка, стул, дверь, буфет, два шага в сторону, стол, стул – то суп уже остыл настолько, что его можно было есть без опаски обжечься. Тетя была малоразговорчива.

– К тебе вечером придет врач, – только и сказала она.

Поднявшееся волнение, вызванное особым тоном тети, не давало чувствовать вкус еды. Они напряженно молчали, а потом Лена все-таки решилась спросить.

– А зачем он придет? Сегодня же не его день, сегодня была Соня. Какие-то новости? Что он тебе сказал? У меня все хорошо?

Вопросы сыпались и сыпались, но оставались без ответа. Тетя даже не пробовала пошутить или осадить ее неуместное любопытство.

– Сказал, что придет, – только и было ее ответом.

Лена поблагодарила за еду и так же аккуратно, по меткам, поднялась наверх. Оставалось только ждать. Что же еще... Она села в кресло и снова вернулась к своим мыслям.

Продление жизни... Очень много проблем было связано с переходом через магнитно-резонансный блок. Говорили, что в каком бы возрасте ни уходил человек, он воплощался без воспоминаний о прошлом и каких-либо активных способностей. Он мог пережить момент перехода, если в целом находился в хорошей физической форме (поэтому к переходу готовили и не практиковали его для слабых и безнадежных больных). Это перемещение вникуда создавало значительный риск оказаться в экстремальных условиях, выбраться из которых может только сильный человек. Поэтому больным давали много укрепляющих препаратов, лечили, стараясь достигнуть максимального эффекта. Как сейчас Лену, например. И достигнув этого эффекта, хотя бы на короткое время, отправляли человека в Другую жизнь. При этом переходе можно было оказаться и на берегу озера, и на горе, и около оживленной трассы, но никогда в ситуации опасной для жизни, хотя перемещенному всегда требовались силы и выдержка – надо было найти людей, теплую одежду, если было холодно, да и просто пережить шок от того, что непонятно кто ты, где ты, и что ты умеешь.

Далее существовали рабочие школы и психологические тренинги, где человек учился всему заново, уже более быстрыми темпами, проявляя склонность к точным, либо гуманитарным наукам. Но до этого момента могли пройти недели и месяцы. Никак не получалось организовать воплощение в конкретном месте или хотя бы отследить, где воплотится человек. Могли уйти месяцы на проявление его в социуме, да и сколько по времени занимало само перемещение, сказать пока затруднялись. Было непонятно происходило это мгновенно или, перестраивая перемещаемого под новые условия, его задерживали в каком-то «отстойнике» какие-то силы или процессы. Ни один из перемещаемых не был найден через пять минут или пять часов после перехода. И хоть все данные заранее высылались в инстанции, которые занимались поиском и приютом потерявшихся людей, но идентификация нововоплощенного не была простой. Было трудно отличить его от сбежавшего из дома отрока, потерявшего память старца или просто сумасшедшего. Изменение внешности, да и потеря в возрасте усложняли задачу. Поэтому каждого найденыша изолировали и прежде всего проверяли на совпадение с реально потерявшимися людьми, штудировав фотографии, описания родственников и ...

– Лена, к тебе доктор!

«Как же я пропустила стук в дверь, приветствия в коридоре? Нет, невозможно так заикливаться на воспоминаниях, иначе недолго сойти с ума!» – раздраженно подумала она.

Шаги на лестнице приблизились к ее двери. Легкий стук. Ее «войдите» и ставшее привычным:

– Ну здравствуй, здравствуй, пациентка.

Его голос был бодр, каждый раз бодр, а она каждый раз пыталась составить его портрет, определить возраст. Но так и не смогла этого сделать, отвлекаясь на свои мысли или свою нескончаемую боль. Или просто у нее не было художественного воображения? Один раз для нее он был высоким и голубоглазым блондином, другой – коренастым брюнетом с коротким ежиком на голове, и отчего зависили эти перемены она сказать не могла.

– Здравствуй доктор! У вас для меня новости? Ведь сегодня нет планового осмотра. Сегодня была Соня, а значит, не ваш день.

– Новости есть, – все так же бодро ответил доктор.

– Первая – к тебе все время просится один молодой человек. И сегодня я разрешил ему прийти, о чем и хочу тебя предупредить.

Ее обдало жаром: вот, оказывается, в чем дело, он не забыл ее, он хотел прийти, но ему не разрешали...ему не разрешали... Ее сердце стучало так, что казалось его слышал доктор, щеки пылали, а руки не могли найти себе места. За этой новостью она не смогла адекватно оценить следующие слова доктора.

– Ты хорошо поправились Лена, набралась сил, твои травмы зажили, и мы собираемся готовить тебя к переходу в конце следующей недели.

– Я?

Уловив только последние слова о переходе она вернулась в действительность.

– Понимаешь, это надо сделать, надо начинать полноценную жизнь, надо...

Он остановился, смотря на ее лицо.

«Конечно, звезды, разговоры... Как она могла забыть о своем положении? Забыть об этих повязках, платках, о том, что она не сможет его увидеть, а он ее сможет. И увидит обожженное уродливое лицо, шрамы на щеках, подобие губ, повязку вместо глаз... Что еще?» – думала она, не слыша и не слушая доктора.

Она опять раздваивалась. Одна часть хотела его увидеть, ну уж не увидеть, но хотя бы услышать родной голос, другая – бежать, куда глаза глядят. Хотя глаза. Их как раз и не было. И бежать было некуда.

– Лена, Лена! – вернул ее из небытия голос доктора. Вернул уже совсем другую – бледную и испуганную. – Как ты?

– Надо уходить, да, да, я готова... конец следующей недели... это так скоро... я пригтовлюсь.

И она растерянно замолчала. Молчал и доктор. Она даже не знала здесь ли он. Она не знала, что ей делать дальше. Она боялась это спросить. Но он заговорил сам.

– Мы разрешили навестить тебя всем, кто этого хочет и, конечно же, при условии, если этого хочешь ты. Список есть у тети, а решать тебе. В начале недели ты снова ляжешь в больницу на последнее обследование и, если все будет нормально, – тебя ждет другая жизнь.

– Да, – слабо согласилась она и добавила уже совершенно неожиданно для себя, – Спасибо, до свидания.

Ей определенно хотелось остаться одной. Хотелось все обдумать, хотя все и так было сотни раз обдумано.

Наверно, доктор ни раз был в подобной ситуации, поэтому он просто молча ушел. Доктор ушел, а следом за ним поднялась тетя.

– Леночка! У меня список. Хочешь услышать?

– Нет, тетечка, не сейчас.

Но тетя не уходила.

– Надо взглянуть, Леночка, надо.

Тетя была настойчива как никогда, и Лене пришлось выслушать весь проклятый список, да еще и с пояснениями.

xxxxx

Встреч было очень много. И только одну она оттягивала и не могла на нее решиться. Несмотря на согласие доктора, она отменила долгожданное свидание, перенесла его на потом. Она не могла сказать, когда это «потом» случится. Сначала ей надо было привыкнуть к людям. Надо заново учиться отвечать на их вопросы, выслушивать их пожелания, чувствовать их взгляды и, главное, не плакать, ни за что не плакать. Откладывая встречу на «потом», она надеялась, что и для Него это станет проверкой – первые посетители расскажут, как она ужасно выглядит, и он испугается прийти.

И только под конец недели она решилась на свидание. Конечно, она подозревала, как все с ней ужасно, и просила тетю сделать ее облик менее пугающим – повязать платок на голову, чтобы скрыть отсутствие волос, надеть шаль на плечи, прикрывающую уродливые шрамы, обезобразившие шею и руки. Конечно же, нужна повязка на глаза... Лицо, губы... ничем не скроешь... Маска? Ну нет. Что за встреча в маске? Единственный шанс – полумрак, зажженный камин, дальний от него угол... Тогда он ее не испугается, и появится возможность услышать его голос, который ей так давно хотелось услышать. Она не могла отказаться от этого последнего счастья.

Сегодня... Она ждала его весь день, все время дергая тетю вопросами о времени и уточняя погоду, свой вид, делясь своим настроением. Осталось несколько часов, два часа до встречи... час, немного...

И вот сейчас это «немного» кончилось. Она волновалась. Укрытая шалью, спрятавшись в самом темном углу, она мечтала дотронуться до любимого, гладить по лицу и вспоминать о звездах. Но если она хочет общения, в то же время размышляла она, его нельзя пугать, его нельзя подпускать близко.

– Привет. Я так по тебе скучал.

У него был такой взволнованный и родной голос.

– Здравствуй, как дела? – она почти не волновалась и чувствовала, что им совершенно не о чем говорить. – Садись на стул, возле камина.

– Ну, как ты? Меня не пускали к тебе, говорили, что волновать тебя нельзя, а я...

И Лена услышала, как он поднялся со стула и сделал шаг по направлению к ней. Это она предусмотрела, этого она ожидала и загодя придумала подходящую фразу.

– Пожалуйста, сиди, мне так удобнее разговаривать, – предупредила она его, почти давась слезами.

Шаг назад, и скрип стула.

– Говорят, скоро тебя перемещают?

– Да..., да...

И в воздухе повисло неловкое молчание.

– Лен, ну я так не могу, я хочу подойти к тебе. Ну как можно говорить на таком расстоянии, как можно почувствовать тебя через комнату. Я так долго мечтал о нашей встрече, я так ее себе представлял, я... – и он опять сделал движение подняться.

– Нет!!! – вскрикнула испуганно Лена, – Нет, нет, ...неееет! Сиди там! Ты что не знаешь, какая я? Ты что не знаешь, что меня не осталось, что на меня нельзя смотреть без отвращения, что я сама не могу ничего видеть, у меня нет глаз?! – выкрикнула она – Тебе что не рассказывали знакомые?! Зачем ты меня мучаешь?

И она заплакала. Хоть и давала себе клятву этого не делать.

– Я много думал о нашей встрече. Я много расспрашивал о тебе моих родителей, я советовался с ними. Слушай, я могу на тебя не смотреть, а значит и не видеть все то, что ты не хочешь, чтобы я увидел, но я хочу до тебя дотронуться, прижать к себе, хотя бы немного, если тебе это не больно, я хочу в последний раз... – и он заплакал.

Это было так для нее неожиданно. Она не представляла ситуацию, повернувшуюся подобным образом. Она не знала, что делать, знала только, что он не должен и не может запомнить ее такой уродиной в последнюю их встречу...

– Я советовался... мы размышляли... мы предполагали, что ты так поступишь... – его голос был сбивчивым. – Мне родители посоветовали быть с тобой на равных. Они посоветовали мне, понимаешь, мне – он выделил это особо – завязать глаза, чтобы я не мог тебя видеть, но мог чувствовать. Ты не можешь мне отказать, ты должна согласиться. Ты должна согласиться...

Ей это решение показалось очень разумным. Почему она об этом не подумала? Но здравый смысл взял верх, и она ответила отказом.

– Я не могу тебе верить, потому что не могу проверить и увидеть надета ли на тебе повязка.

– А твоя тетя? Она может нам помочь, она завяжет мне глаза. Давай попросим закрепить повязку так, чтобы она не сползла. Я принес все – платок, скотч... Чтобы снять повязку потребуется время, если я начну это делать, ты обязательно поймешь, сможешь позвать тетю, укрыться... Лена...

Его голос был мягким и отчаявшимся.

– Не плачь...

Ее слезы... Как могут быть слезы без глаз? Когда нет глаз, откуда льются слезы? Она столько времени не могла плакать. Но сегодня ее слезы лились ручьем.

«Откуда он узнал, что я плачу? По голосу или шмыгающему носу? – думала она. – Да не все ли равно! Почему я порчу свой последний день? Чего боюсь? Ведь то, что предлагает Антон, достаточно разумно.»

– Тетя, тетя, помоги нам! – закричала она, приняв решение.

Тетя поднялась наверх. Антон объяснил ей задумку, а Лена просила сделать все, как можно тщательнее, и, не отпуская тетю из комнаты, подошла проверить, насколько добросовестно закреплена повязка.

Казалось мир перестал существовать, как только тетя вышла из комнаты, а они с Антоном коснулись друг друга. Казалось, что стены помещения раздвинулись, а над их головами распростерлось звездное небо. Они стояли прижавшись друг к другу, с переплетенными руками, наслаждаясь теплом и еще чем-то необыкновенно сладостным, что случается между любящими, их телами и душами, когда только объятие, близость или касание является вопросом всей дальнейшей жизни. Казалось, что только теперь она нашла все, о чем мечтала. Только теперь, стоя в его объятиях, она могла чувствовать переполняющее блаженство обретения.

– Пойдем к окну, пойдем, посмотрим, сколько на небе звезд, – сказала она ему, нисколько не удивившись этому своему порыву.

Наверно сам факт этого предложения делал ее обычной здоровой девчонкой, закончившей школу без троек. Наверно она хотела запомнить этот разговор о звездах, чтобы унести его в другую жизнь, в иной мир, где у нее в обмен на глаза не будет этой любви. Наверно она хотела в последний раз проверить, что он все понимает.

Он ничему не удивился. Не стал срывать повязки или задавать вопросы, а просто доверился ее движениям. Вот они у окна. Так легко представить, что над ними ясное небо и звезды.

– Я дарю все звезды этого неба тебе, я дарю тебе исполнение мечты с каждой звездой. Я буду помнить тебя, где бы я ни была. Я... – шептала она, спрятав голову у него на груди.

Он гладил ее по платку, спине и ничего не отвечал... Он знал, что даже если она когда-нибудь окажется рядом, она ничего не сможет вспомнить. Да и ее нельзя будет узнать.

– Я люблю тебя, – сказал он, – Ты просто помни всегда об этом. Я тебя люблю.

И он прижимал ее сильнее, а она пыталась спрятаться в его теле, раствориться, стать его частью и, если исчезнуть, то только в нем.

Снизу позвала тетя, предупреждая, что они должны заканчивать разговоры и прощаться. И тогда блаженство сменилось горем, слезами и отчаянием. Блаженство и отчаяние, как две стороны одного целого, как нераздельные части существования, как их тела, стремящиеся к друг другу и в тоже время скрытые повязками, платками и одеждой, как их пути, единые, но с этого момента не пересекающиеся.

Они не могли разорвать объятия, говорить, а уж тем более прощаться. Они так боялись этого мига потери, даже во имя ее будущего, они не могли это пережить. Они не могли пожелать друг другу радости и счастья, успехов, любви, наконец, потому что их жизнь заканчивалась здесь и сейчас, за створкой этой двери, а самим им не суждено было встретиться никогда. Они стояли, пытаясь собрать волю в кулак и разъединить руки, когда послышались шаги тети, и ее обеспокоенный голос за дверью предупредил о появлении.

– Антон, я должна тебя проводить. Не заставляйте меня думать, что ваша встреча была ошибкой. Антон, мне надо развязать тебе глаза.

И как только Лена услышала эти слова, она пришла в себя, подняла руки и легонько оттолкнула Антона.

– Иди, иди... иди – заливаясь слезами, повторяла она. – Иди...

– Я тебя люблю, помни это, Ленка. Я буду любить тебя всегда, слышишь, всегда.

И он, подталкиваемый тетей к выходу, начал удаляться в сторону двери.

– Все будет хорошо, слышишь...

– Все будет хорошо...

Воплощение

Она шла. Погода была солнечная и немного морозная. Она шла быстро, стараясь как можно скорее достичь цели. Вот он дом, за которым пути останется лишь минута. Все такой же старый, облупленный, с суровыми серыми стенами и козырьком над подъездом, почему-то покрашенным в красный цвет.

Ветер немного охлаждал затылок и уши, но она спешила. Дойдя до угла дома, она не обнаружила там привычного пейзажа и остановилась. За домом начинался глухой и длинный бетонный забор.

«Наверно я здесь давно не была,» – легко подумалось ей, и она пошла вдоль забора.

Мимо сновали машины, люди, мелькали вывески, а забор все не кончался. Казалось, он был длинным, как сама жизнь. Она все шла и шла, торопясь к цели. Она очень обрадовалась, когда увидела его границу, и почти побежала. Но забор перешел в ажурную ограду, за которой были маленькие и большие дома, будки охранников и мерно гуляющие люди.

«Господи, когда же это закончится!» – почти вскрикнула она.

Успокаивало только то, что несколько человек, идущих перед ней не меняли маршрута, а очень уверенно шли вперед.

«Странное какое место...»

Ажурная решетка кончилась, и за ней начиналась невысокая ограда, за которой стояли машины, и были совсем незнакомые ей дома.

«Как же все изменилось!» – удивилась она.

Она шла и шла вперед. Теперь уже целью стало дойти до конца ограды, обойти это препятствие и уж точно выйти к знакомым местам. Ведь тот серый дом был ей хорошо знаком.

Внезапно ограда сменилась глухим забором, за которым попросту было невозможно ничего рассмотреть. Но она же решила дойти до конца! И шла. Людей впереди становилось все меньше и меньше. Кто-то сворачивал, открывая нужные калитки или звоня в двери, встроенные в глухой забор. Кто-то переговаривался с охраной. Даже когда они входили в эти странные двери, она могла видеть только будку охранника и ничего больше.

Внезапно забор закончился, и она оказалась на широком перекрестке, светлом от солнца, сияющим стеклами проезжающих машин и инеем на траве. Она замерла. Этого места она определенно не знала. За серым домом должны были быть... должны быть... И она задумалась.

«Куда она шла? Почему так спешила?» – она не смогла вспомнить и замерла на месте.

Замерла так внезапно, что идущий за ней прохожий, наткнулся на нее и, недовольно бурча, обошел вокруг, все оглядываясь и оглядываясь в ее сторону. А она так и стояла, уже не замечая, что мешает другим идти, и что те, другие, тоже с изумлением на нее смотрят.

Куда же она спешила?

Где-то из глубины памяти всплыло, что если вернуться на то же самое место, то можно вспомнить свою цель.

«А на какое место? – подумалось ей. – К серому дому?... Как далеко идти!»

И тут же пришла мысль: «А почему к серому дому? Почему не домой?»

И она окончательно растерялась.

– Девочка, уйди с дороги, ты загородила проход, – обратился к кому-то недовольный старческий голос.

Она обернулась, немного выплыв из размышлений и намереваясь спросить «где тут...». Но тут же поняла, что не знает, что спросить, и увидела, что старушка смотрит прямо на нее, фактически отталкивая ее локтем в сторону от спящих людей.

Куда она спешила? Она не могла сказать. Ощувив себя в огромном городе совершенно чужой, без понятия, что это за город и где ее дом, она ударилась в панику.

«Надо бежать» – только подумала она и сразу побежала.

Ветер обжигал щеки и развевал волосы, а она так и не узнавала места. Выдохнувшись, она остановилась. Только тут ей пришло в голову, что она не представляет, кто она. Вернее, ей казалось, что она все о себе знает, как обычный человек, который выходя на улицу или приходя на работу, просто знает, что он есть он, у него есть семья и живет он в доме около метро, например. Ему не надо повторять, что он Алеша или Слава или... Он не говорит себе всю дорогу, кто он и сколько ему лет, это зашито в его памяти, сознании, чувствах. И если его об этом спросить, он удивится, потому что такие вопросы задают только в официальных конторах врачи или адвокаты, а окружающие тебя люди всегда и так знают, кто ты и что из себя представляешь.

И она сказала себе: «Я...». И не смогла продолжить, кто «Я». Она не могла понять, почему ее называли девочкой, не смогла вспомнить, сколько ей лет. Казалось, что эта информация была прямо здесь, около ее головы, около губ, но ухватить ее, считать и осознать у нее не было никаких возможностей.

Она продолжала стоять, уже посторонившись, не мешая другим, и приходя в себя от спонтанного бега. Кто она? Она не знает. Где она живет? Похоже, она не знает тоже.

Кто ее родители? Сколько ей лет? Да, господи, какого цвета у нее глаза и волосы, она тоже не знает! Казалось, что сердце перестало биться, так ей стало обидно и страшно. Единственное решение, которое она способна была принять – подойти к стеклянной витрине и посмотреть в отражение. Ничего утешительного там не было. Мало того, что она с трудом могла различить там себя, но даже на этом этапе она совершенно определенно знала, что не помнит такую себя.

Витрина, в которую она смотрелась, оказалась магазином одежды, и она, пугаясь каждого своего движения, вошла внутрь. Сразу при входе стояли стойки с платьями, а на торцах стоек висели большие зеркала. Из зеркал на нее смотрела испуганная белобрысая девочка лет тринадцати, с серыми глазами и коротенькой стрижкой на прямых волосах.

– Девочка, ты кого-то ищешь? – окликнули ее из недр торгового зала.

Она еще раз мельком взглянула на свое отражение и быстро вышла на улицу. Если бы она была мудрее и взрослее, то наверно бы ответила, что ищет себя. Но она не знала, что ответить. Ее цель. Она же куда-то бежала. После этого серого дома она должна была... Нет. Она не помнила. Теперь даже тот дом казался миражом.

Она медленно побрела по улице. Яркое солнце слепило глаза и делало ее безнадежность обнадеживающей. По крайней мере ей так казалось. Поэтому она попыталась войти в калитку между домами, но та была заперта. Тогда она пошла дальше высматривая, куда сворачивали прохожие, как открывали двери, как попадали внутрь. Вывод был неутешительным – у всех свои ключи. У нее же нет ключа, да и ничего, чтобы подсказало ей, кто она такая и куда ей держать путь.

Она решила идти за мамой с малышом. Женщина открыла калитку во двор многоэтажного многоподъездного дома, а она прошмыгнула с ними, стараясь не привлечь к себе внимания. Если она здесь без ключей и всяческих вещей, то наверняка живет где-то рядом, просто забыла, подумалось ей.

Мама с малышом остались гулять во дворе, а ей совершенно не хотелось быть там. Она подошла к воротам, и дежурный в будке без всяких вопросов открыл их.

«Так, – подумала она, – значит, выйти можно легко, а зайти только с ключом.»

И она побрела дальше, ища другую калитку, в которую можно рискнуть зайти. Но, везде нужен был ключ или код. В подъезд, который она приметилла, чтобы немного там посидеть и погреться, войти она не смогла, в другой тоже. Все двери были на замках. Те, кто подходил к ним, приложив что-то, совсем не похожее на ключ, быстро проскальзывали внутрь. Брелки с такими странными ключами были даже у маленьких детей, гуляющих самостоятельно.

«Ну как же я забыла это!» – подумала она в отчаянье, хотя, и не знала, где забыла, когда забыла и какую дверь им открывать.

Она брела по улице, покуда не увидела мрачное серое здание, куда входило много народу и двери этого здания не были закрыты. Она прошла внутрь с одним из прохожих, который тащил папки с бумагами и был чем-то страшно раздосадован. Внутри толпилось так много людей, что сначала это ее перепугало. Длинный коридор, заполненный мужчинами и женщинами с тоскливым выражением ожидания на лицах, тянулся бесконечно. И комнаты, комнаты... И духота. Все стояли, потому что сесть было негде. Разве только несколько стульев, прислоненных к стене, создавали видимость комфорта. Коридор со множеством дверей заканчивался тоже дверью, к которой стояло еще больше народу. Она повернулась и пошла назад. Хрупкая, она с трудом протискивалась между их костюмами, папками, сумками, а люди практически не шевелились и не делали ни единого движения, чтобы облегчить ей путь. На улице она начала замерзать, а здесь было так душно, что кружилась голова и хотелось сесть. Она прислонилась к стене.

– Девочка, а ты зачем тут? Ты с мамой? – поинтересовался старушечий голос.

Ох, и везенье у нее сегодня на бабулек. Она подняла голову и вежливо кивнула, отойдя от стены и уходя из этого, заполненного безликими людьми, коридора в холл с окошками, за которыми сидели служащие. К окошкам тоже стояло много народу. У каждого в руках была стопка бумаг и усталый вид.

– Сколько стоим? – послышался еще бодрый голос вновь подошедшего.

– Да уж часа полтора как и еще столько же, похоже, стоять. – был унылый ответ.

Она удивилась странной манере речи и тому, что никто в очереди не улыбнулся и не проявил никакого интереса ко вновь вошедшему. Над всем залом стоял гул голосов, понижающийся или возрастающий до максимума, с визгливыми выкриками отдельных очередников. Но в целом казалось, что вся эта толпа неподвижна, а очередь – лишь выдумка стоящих здесь людей. На самом деле у них не было никакой цели. Как, собственно, и у нее.

Она прислонилась к стене. Здесь ею никто не интересовался. Господи, как на устала! Какой длинный день! И она маленькими шажочками, продвигаясь вдоль стены, чтобы оставаться никем не замеченной, дошла до угла и присела на корточки. А потом совершенно неожиданно для себя уснула.

Проснулась от тишины. Над ней склонились лица, которых она раньше никогда не видела.

– Девочка, где твои родители? Ты откуда? – Она слышала эти вопросы уже несколько минут. Сначала ее трясли за плечо и повторяли: «Девочка, девочка...».

И эта тряска пришла в сон, разбудила и, вернув в действительность, не проявила ничего больше, чем она знала о себе до этого.

– Где твоя мама? – вопрошали хором голоса.

Где ее мама? Конечно же она не знает, как не знает, где она живет, сколько ей лет, как ее зовут, и куда она бежала ранним утром.

Она окончательно проснулась, но все еще молчала, разглядывая склоненные над ней лица.

Холл был пуст. За номерными окошками никого не было.

– Девочка, вставай! Вставай, девочка! – настойчиво потребовал женский голос. И ее поставили на ноги.

В этот момент она почувствовала такую слабость, что снова закрыла глаза и провалилась в сон. Она не могла слышать суеты взрослых разговоров. Обсуждения, куда им звонить в милицию или «Скорую Помощь». Она не знала, к какому решению они пришли. Сквозь сон и невозможность разлепить веки врывались их отдельные слова, смысла которых она не стремилась понять, их прикосновения, которые были ей безразличны, и взгляды, которые она не могла видеть, а только чувствовала.

xxxxx

Ослепительный свет вырвал ее из сна. Она открыла глаза – высокий потолок, крашенная дверь, большое окно и узкая кровать, одиноко стоящая в крохотной комнатке, огороженной стенами матового стекла.

«Больница?» – подумала она и осторожно пошевелилась. Ничего нигде не болело, на душе было спокойно, а голова была чистой и ясной.

«Или все-таки я заболела и мне просто приснилось, что я бежала и не могла вспомнить куда? А на самом деле я была больна? Бредила?» – размышляла она, глядя в потолок.

Она встала с кровати и подошла к окну. Большие дома, солнце, город. Она смотрела из окна, находящегося на самом высоком этаже здания, так ей казалось, потому что могла видеть крыши домов, уходящие рядами вдаль, и машины, казавшиеся игрушечными. Она прижалась лбом к стеклу и, почти оторвав ноги от пола, повисла на руках, пытаясь разглядеть улицу под окнами.

«Незнакомое место. Где я? – и внезапно похолодела от этого вопроса, потому что вслед за ним пришел другой – Кто я?»

Она опять не знала ответа. Зато она смогла узнать место. Это был все тот же перекресток, на котором она вчера поняла, что не знает куда и зачем бежит. В момент, когда отчаяние готово было выплеснуться на глаза, дверь открылась, и мужской мягкий голос окликнул: «Лена! Леночка!». Что-то было знакомое и в звуках этих слов, которые по-видимому относились к ней, и в этом голосе, что она резко обернулась, почти упав на пол, спрыгнула с подоконника, и, пока неуверенно, поспешила навстречу.

– Ну что же ты нас пугаешь! – сказал появившийся в дверях дядька.

Его она не знала. Она точно его не знала! Поэтому застыла, как вкопанная, и почти попятилась, когда в комнатушку влетела яркая белокурая женщина. Если бы в этом странном помещении с почти прозрачными стенами что-то стояло, то можно было бы смело сказать, что она влетела, сметая все на своем пути. Но так как единственная кровать осталась у окна, а дядька посторонился, то эта женщина смерчем поднеслась к ней, не успевшей отскочить, и заключила ее в объятия.

– Лена, Леночка, как ты всех нас перепугала! – ревела и смеялась женщина одновременно.

«Лена» застыла в ее руках, не зная, что предпринять. Ее явно с кем-то путали. Для нее было совершенно очевидно, что и эту женщину она не знала тоже. Хотя пока ее никто об этом не спрашивал.

«Вот это да, – думала она. – Неужели я все-все забыла?»

А женщина-смерч ее крутила, спрашивала, заключала в объятия, плакала, снова спрашивала, гладила по голове, называя Леночкой, Ленусей, совсем не замечая, что «Лена» никак не реагирует на то, что происходит.

Она могла сопереживать этой женщине, могла радоваться вместе с ней, но только если бы что-нибудь понимала во всей этой истории.

– Успокойтесь, Ирина Андреевна. Девочке нужен отдых, – сказал дядька. – Видите, какая она вялая.

И, подойдя к Ирине Андреевне, взял ее за плечо и начал тянуть назад.

Объятия ослабли и «Лена» смогла свободно вздохнуть. Но женщина-смерч все еще не выпускала ее из рук.

– Дайте девочке немного времени, она пережила стресс. Мы еще даже не знаем, что она пережила. Дайте ей время, дайте придти в себя, – говорил нежно «мягкий голос», расцепляя руки и уводя мучительницу в сторону двери.

– Она никуда не денется... мы должны... все будет... не...

Дверь закрылась. Она опять осталась одна.

Значит, она Лена. Л-Е-Н-А... ЛЕ-НА... Пусть будет так. По крайней мере, имя это ей нравится и, кажется, все-таки имеет к ней отношение, решила она и снова поплелась к окну.

Куда же она все-таки бежала? Она смогла забраться на подоконник с ногами и, согнув их в коленях и положив на них голову, принялась размышлять.

Пусть даже она не помнит, куда бежала, но откуда она бежала ей надо постараться вспомнить. Может быть тогда она вспомнит, и куда бежала и все остальное. Она смотрела сверху на широкую улицу и пыталась мысленно пройти назад свой вчерашний путь. Но «пройти» получилось только до бетонного забора.

Дальше был полный провал в памяти, темнота. Она пробовала снова и снова, но результат был неизменен – бетонный забор, люди впереди и ничего больше...

Бегство

Дверь опять открылась и на пороге появилась тетенька в белом халате. Снова назвав ее Леной, она позвала с собой. Они шли куда-то по пустынному коридору, а тетенька, чтобы не молчать, комментировала весь путь.

– Вот здесь надо повернуть. А там, осторожней, ступенька. – говорила она, почти не оставляя момента для того, чтобы Лена вставила свой вопрос.

А вопрос был. Даже были вопросы, море вопросов, и задать их было необходимо. Когда наконец они прошли почти весь коридор, Лена, перебив тетеньку, спросила:

– А что это за город? – наверно, тем самым надеясь, что это сможет прояснить все остальное.

Тетенька посмотрела в ее сторону, но ничего не ответила, видимо считая, что Лена шутит. Ну или что-то другое она считала, но Лене стало почему-то страшно под ее взглядом, и она приняла решение во что бы то ни стало убежать, вырваться от этих белых халатов, стеклянных стен, закрытых дверей, вырваться пока не поздно, пока они не дошли куда-то, пока еще не захлопнулась неизвестная дверь. Вырваться, а там можно будет наконец выяснить у кого-нибудь, где она, и найти родителей. В том, что они у нее есть, она не сомневалась.

Она выдернула руку... и побежала назад. Наверно, сопровождающая ее женщина была уверена, что из этого коридора Лене деться некуда, поэтому не вскрикнула, не погналась, не замахала руками, а секунды две-три наблюдала. На мгновение одна из дверей практически бесшумно распахнулась и Лена бросилась туда. И вот тогда Лена услышала удивленный вскрик тетки. Совсем маленькая кабинка дернулась и помчала вниз. Лена была одна. В панике она нажала кнопку на панели и кабина замерла на месте, двери открылись, а толпа людей в белых халатах стала вваливаться внутрь. Бежать! И она бежала. Из кабины, к лестнице, потом по лестнице, потом на этаж, по этажу, потом опять по лестнице. На ее беду или же удачу по дороге ей никто не попался, а она, поплутав немного, забилась в очень странный закуток и осмотрелась.

Комната-не комната, маленький квадрат метр на метр с дверью и без окон. Она, не раздумывая, закрыла дверь и прислонилась к стене. К вопросам, куда она бежала, кто она и где ее дом прибавились не менее насущные – где она и как отсюда выбраться. Хотя, конечно, одежда на ней давала так мало шансов оказаться незамеченной. Ее белая в розовый горошек байковая пижама и растоптанные тапочки хорошо смотрелись внутри помещения или даже около кровати, но никак не на улице. И все-таки где она?

Приоткрыв дверь убежища, она осмотрела комнатку. Ведра, сложенные друг в друга, швабры... синие халаты на крючках. Наверно она была в больнице, раз все, кого она видела до этого, были в белых халатах, а это – комната уборщицы. Но почему в больнице она, здоровая, лежала отдельно ото всех? И еще эти странные женщины – одна, которая ее обнимала и плакала, вторая – которая вела неизвестно куда. И двери. Почему все двери в коридоре были закрыты? Почему не было никого вокруг – ни врачей, ни пациентов? Насколько это опасно? И как долго она сможет находиться здесь, в этой кладовке, без еды и одежды?

Уже очень хотелось есть. Она не могла вспомнить, когда и что она ела в последний раз, потому что все ее воспоминания заканчивались или начинались бетонным забором, и она точно знала, что с этого момента не ела и не пила.

Она еще поперебирала халаты на вешалках, нашла что-то отличающееся по фактуре, опять приоткрыла щелку двери, чтобы рассмотреть при свете. Кофта! Шерстяная светлая с пуговицами кофта, годившаяся ей в платье или пальто. Она примерила. Жалко нельзя было оценить без зеркала. Но что было несомненно, пижаму кофта закрывала, оставляя только кусочек брюк. И еще – в ширину она была ей почти по размеру, а потому в таком виде можно было появиться на людях.

Надо рискнуть признаться, где она. Что она теряет? Она скажет, что пришла к маме, за мамой, за... она найдет, что сказать. Даже если ее поймут, она ничего не теряет.

Она приоткрыла дверь кладовки, выглянула и, не найдя опасности, прошмыгнула в коридор.

Из коридора – опять на лестницу и вниз, вниз, на улицу. Лестница была пустынна, а выходила она в огромный открытый холл со множеством окошек за стеклянной прозрачной панелью.

«Опять окошки, ну и город», – подумалось ей.

К окошкам стояли люди, которые что-то спрашивали и что-то в них передавали. Иногда человек растерянно отходил, иногда плакал, иногда оставался радостно ждать, а чаще, передав сверток, уходил на улицу, пересекая этот огромный холл и двигаясь к стеклянной двери, у которой томился вахтер.

Вахтер открывал железную загородку, впуская и выпуская людей, и прошмыгнуть мимо него незамеченной не было никакой возможности – это Лена поняла сразу.

Она старалась держаться как можно неприметнее и все равно обратила на себя внимание. Опять бабуля:

– Дочка, а ты что тут делаешь? Ждешь кого?

– Да, – промямлила Лена, – Маму! Доктор разрешил!

– Странно..., – сказала бабуля и тут же добавила – Ну жди, жди...

А Лена постаралась исчезнуть из ее поля зрения, так как чувствовала на себе укол внимательных глаз.

Она подошла к женщине, которая стояла к одному из окошек и пристроилась так, чтобы бабушке было понятно, что она не одна, она с этой женщиной, мамой. Она почти прижалась к «маме» всем телом. А женщина и не заметила этого, увлеченная беседой с человеком за стеклом.

При общем гуле разобрать то, что говорил собеседник женщине Лена не могла. Она могла только слышать, как та соглашалась с ним вздыхала, а потом быстро сказала:

– Хорошо, я подойду. А куда?

Лена вытянулась, встав на цыпочки, почти подпрыгнув, и изо всех сил напрягла слух.

– Выйдите из зала через противоположную от вахтера дверь и подниметесь на второй этаж по лестнице.

Лена приготовилась идти за женщиной, поскольку вредная бабка не спускала с нее назойливых глаз. Только бы женщина не заметила почти прилипшую к ней девочку. Но женщина была вся в своих мыслях и быстро пошла вперед, пересекая пространство. За ней поспешила и Лена. Они влетели в указанную дверь, и женщина замерла, как вкопанная. Лена почти на нее натолкнулась, но в последнее мгновение отпрянула в сторону и прижалась к стене за дверью. Перед ней открывалось весьма странное зрелище. Коридор, выкрашенный в грязно-синий цвет, меньше всего походил на место, откуда можно было подняться наверх. Строительные конструкции стояли вдоль него, валялись мастерки, а ведра, наполненные бурой вязкой субстанцией, казались навсегда забытыми рабочими. Тусклые лампочки хорошо освещали только его середину с разбросанными бумажками на полу и кусками отвалившегося цемента, около стен царил сумрак.

Замершая женщина вероятно решила, что из этого коридора не может быть лестницы наверх, поэтому развернулась и озадаченно пошла назад в холл. А Лена осталась. Она не могла идти назад, там была досужая бабка.

«В этом коридоре не сказать, чтобы тепло,» – с тоской подумала она и присела на корточки, подобрав под кофту ноги и размышляя, что делать дальше.

Она опустила глаза и увидела прямо перед собой яблоко. Самое настоящее яблоко лежало в шаге от нее. Она протянула руку, и в этот момент в животе радостно заурчало. Раздумывать

было некогда, если ее живот и дальше так громко будет издавать звуки, то может прибежать бабка из холла, в панике подумала она и, обтерев наспех фрукт, откусила.

Боже, наконец! Было ли в ее жизни что-то вкуснее и сочнее этого яблока? Она знала, что точно нет. По крайней мере на ее памяти.

Из своего убежища, созданного за створкой распахнутой двери, она попыталась рассмотреть холл. Если смотреть в щелку между стеной и дверью, то можно было видеть небольшую часть пространства и колонну, на которой висел длинный список. Она пригляделась. Это было ровно то, что она искала! На верхней строчке списка большими буквами было написано «Научно-Исследовательский Медицинский Институт редких и инфекционных болезней». Она прочла это с трудом, по слогам. Кажется, она забыла грамоту. Потом в ее голове все слоги сложились в связное предложение, и она поняла, что это за здание... О, ужас!

«Значит, я больна чем-то непонятным и заразным, – начала размышлять она. – Вот почему меня держали отдельно ото всех! Вот почему так косилась бабулька! Вот почему все двери в коридорах были закрыты!»

И секундой позже с этими мыслями начали спорить другие: «Ну ты же чувствуешь себя прекрасно» – говорили ей другие мысли.

«Ты же просто ничего не помнишь!» – возмущались они у нее в голове.

«Это не может быть заразно! За это не уведят неизвестно куда и не держат под замком!» Она окончательно разволновалась. Надо прочитать дальше. Надо постараться разобраться в длинном списке перечня.

Этаж 2. Администрация. Консультационные кабинеты.

«Интересно, что это? – начала размышлять она, но тут же себя остановила. – Не отвлекаться! И так все получается очень медленно!» А сколько у нее времени, она не знала.

Этаж 3. Лабораторные исследования. Сдача анализов.

Этаж 4. Аппаратные обследования. Диагностическое отделение.

И дальше шел целый список кабинетов, который она даже не стала читать.

Этаж 5. Физиотерапевтические кабинеты.

Что это она не знала и, так как ее этаж был выше, то и перечня читать не стала.

Этаж 6. Хирургическое отделение. Реанимация.

Этаж 7. Женское инфекционное отделение.

Этаж 8. Мужское инфекционное отделение.

Этаж 9. Детское инфекционное отделение.

«Ой, наверно, это как раз ее этаж» – подумала она. Но список продолжался и поэтому она решила дочитать.

Этаж 10. Отделение Редких болезней.

Этаж 11. От-де-

Дочитать она не успела. Дверь закрылась, а она осталась одна в мрачном холодном коридоре, с огрызком яблока, который все-таки планировала доест.

xxxxx

«Дура, дура, дура!!» – кричала она про себя.

«Дура! Идиотка! Дура! Дура!», повторяла она и, глотая слезы, сбегала по лестнице.

«Дура! Никогда не вернусь! Дура! Никогда больше! Никогда, никогда, никогда!!!»

Она не давала пролиться слезам, застилавшим глаза, вгоняя их внутрь, вбивая морозным воздухом в легкие, закрывая ладонями рот, наполненный словами отчаяния.

Она не могла думать, анализировать, замедлять шаг, потому что основным ее желанием было бежать и убежать.

«Ты никогда меня не найдешь! Дура! Дура!».

Казалось, что кроме этого слова в голове ничего не существует. Слово, слово, слово, эмоции, а потом опять слово, слово, слово...

Она бежала, не зная куда, не планируя ничего и не ощущая холодного ветра. Причитания внутри, обида от несправедливости, усталость от постоянных претензий гнали ее вперед – уставшую, заплаканную и уже бездомную.

«Никогда не вернусь, никогда! Пусть она узнает, пусть она поймет! Дура!!»

Калейдоскоп этих слов был бесконечен в ее голове и не приносил облегчения.

Она бежала вдоль дороги, садилась в автобус, выходила где-то, не замечая места, опять садилась в автобус, не глядя на его номер, не озадачиваясь, куда он едет, и куда приедет она.

Эта автобусная гонка, перемежаемая с быстрым и бесцельным бегом между маршрутами и остановками, была средством спасения, средством запутать следы, затеряться в огромном пространстве городских улиц, как если бы за ней кто-то гнался. Но еще это было средство запутать себя, чтобы не было возможности по малодушию вернуться в теплую квартиру в образе побитой собачонки, просить прощение, давать обещания, выслушивать нотации, а самое главное торжествующие слова этой дуры: «Я знала, что ты никуда не денешься!».

Она привыкла жить в комфорте и достатке и с малых лет в отдельной комнате их огромной квартиры. Игрушки, море игрушек, а когда стала старше, то все необходимое для учебы и развлечений покупалось ей без вопросов – компьютер, музыкальный центр, телевизор, всякие игровые приставки и даже музыкальные инструменты. Она привыкла к этому. Она привыкла есть все лучшее, носить все модное, пользоваться всем современным. И теперь, трясясь в автобусе на краю земли, она думала уже и о том, чтобы не смалодушничать.

Это был последний автобус. Последний ночной автобус. Она и не заметила, как улица погрузилась в темноту, потому что даже в окнах квартир погасили свет. Ночь. Ей некуда идти.

Она не знает, где она, она не знает, где ей ночевать этим осенним вечером. Только тут, на остановке, выйдя из теплого автобуса в промозглую ночь сентября она осознала насколько серьезно ее положение. Убегая из дома, она забрала только то, что было под руками.

...Когда она после ночного отсутствия вошла в квартиру, ее уже ждала мать. Эта дура начала разъяренно на нее орать, покрывая словами, как оплеухами. Конечно, и сама Лена была не совсем права, потому что, пообещав придти вчера, осталась у подруги еще на ночь и при этом предпочла не звонить домой, чтобы не нарываться на нарекания, а потом и не отвечать на звонки, когда мать начала обрывать телефон. Она вернулась только во второй половине следующего дня, надеясь, что никого не будет дома, и она сможет тихо проскользнуть в свою комнату, как в крепость. Переживать бурю на своей территории ей было всегда легче. Но, войдя в коридор и бросив на автомате мобильный и ключи на полочку, а сумку под ноги, она обнаружила стоящую в дверях ее комнаты разъяренную матушку. И началось. Лена была виновата, но эти слова явно не могли быть отнесены к ней, даже после ночи ожидания. Эти слова ранили больше, чем удары, если бы даже удары приходились ей по лицу. И тогда она схватила сумку, которая стояла под ногами и бросилась вон...

Ни ключей, ни телефона у нее не было. То что было в сумке давало возможность прожить дня два, ночуя по подъездам и питаясь хлебом с кока-колой из ближайшей булочной. Убегая, она конечно же и не думала про это. Сейчас, стоя на пустынной остановке, она понимала, что даже шанса позвонить домой, сдать на милость победителя и попросить отца забрать ее отсюда у нее не было. Конечно, есть телефоны-автоматы, наверно их можно найти. Но где она среди ночи найдет для них правильные монеты? Да и знает ли она куда за ней ехать?

Так что, как она и хотела, домой она не вернется. И что более очевидно – как бы она ни хотела, домой ей никак не вернуться.

Лена побрела по улице, перекинув спортивную сумку через плечо. Было холодно. Спустила сотню метров – очень холодно. А через пятнадцать-двадцать минут зубы уже откровенно стучали, а нос и уши просились погреться в любое место, закрытое от ветра.

«Наверно надо искать теплый подъезд, не могу же я ходить всю ночь, чтобы не окоченеть. Возможно удастся где-то устроиться, а завтра посмотрим.» – думала она с тоской, ускоряя шаг.

Она уже почти бежала во двory, к подъездам, спасительному теплу, когда сообразила, что все они закрыты на код или, что еще хуже, у большинства из них есть домофоны. Единственной надеждой была возможность пройти внутрь с припозднившимся жителем. Но улица была безлюдна, а Лена уже не могла унять холодную дрожь.

«Надо одеться» – подумала она, вспомнив про сумку и лежащий в ней свитер и шапку, которую ей всучила мать перед уходом к Лариске.

Конечно, она бы могла одеть на себя все, что было в ее сумке – ночную рубашку, футболку, шерстяные носки, свитер, пару трусов. Но, представив себя в таком виде, она разулыбалась – вот бы маман порадовалась видя ее в ночной рубашке до щиколоток, свитере с непомерно большим воротом, трусах-стрингах, одетых на облегающие джинсы, и короткой малиновой курточке поверх всего этого.

– Вот бы она позлорадствовала, – подумала Лена, представив себя в стильных полусапожках, из которых торчали бы белые шерстяные носки с яркими помпонами. И еще минут пять простояла, не решаясь надеть хотя бы свитер.

Но улица оставалась пустынно, поэтому она, подойдя к ближайшему подъезду и положив на скамейку сумку, приготовилась заночевать прямо здесь, предварительно напялив свитер и шапку. И не сказать, что она была сейчас сильно недовольна матерью, впихнувшей ей все это богатство на всякий случай...

Самое трудное было в этом холоде расстегнуть молнию у куртки и впустить туда заледневший воздух улицы. И даже понимая, что ей это поможет не умереть от холода или просто не заболеть, она не сразу решилась на столь отчаянный поступок. Как только она, очень быстро орудуя руками, натянула на себя свитер и шапку, которая ей вовсе не показалась такой страшной как прежде, к подъезду, словно материализовавшись из воздуха, подъехала машина. Понимая, что это ее шанс проникнуть внутрь, она подскочила к двери и начала ковыряться в сумке, как если бы искала ключи. Из машины вывалились возбужденные молодые люди и со словами: «Что ищем, а?» открыли ей дверь в рай.

Было ли что-либо в ее жизни лучше этого момента? Все эти поездки за границу, томление на пляже, еда в дорогих ресторанах под мерную болтовню родителей, прекраснейшие развлечения в парках аттракционов, глаза мальчика на дискотеке и успех на школьном конкурсе красоты не стоили и десятой доли блаженства, охватившего ее в теплом подъезде.

Молодые люди на ее счастье ею не заинтересовались, а двинули пешком на три этажа вверх. А она, поднявшись на площадку к почтовым ящикам, начала греть руки около батареи.

«Господи, что это за такой подъезд?» – думала она в полном восторге, вспоминая, что никогда раньше не видела батарей в подъездах. Или просто не замечала? Батарея была настолько горячая, что ее распухшие от холода пальцы моментально отогрелись и покраснели. Она хотела сесть на эту батарею, лечь, обнять и ласкать ее только за то, что она существует. Она не замечала набросанных бумажек вокруг, окурков и неимоверно толстого слоя пыли или правильнее сказать грязи, лежащей на самой батарее. Куда делась ее врожденная брезгливость, ее способность чувствовать тошноту при любом засохшем пятне на кухонном столе и почти рвоту от прилипшего куска жвачки к ее ботинку? Сейчас она испытывала настоящее блаженство.

Ее вчерашняя ночь с Лариской прошла достаточно бурно. Сначала они долго тусили в парке с ребятами, пробавляясь пивом и чипсами. Потом, когда стало холодно, перебрались в Ларискин подъезд. И хоть консьержка впустила их, но долго ворчала вслед, ругаясь на мусор, будущие окурки и громкие разговоры до полуночи. На Ларкином этаже оставаться не рекомендовалось, поэтому, они звякнув в дверь и сообщив ее родителям, что они почти дома, – «почти-почти и скоро появимся не волнуйтесь!», поднялись на последний этаж. Весь этот этаж занимала одна семья, которая за своими железными дверями, глухо отгораживающими вход

в квартиру, никогда на них не жаловалась. Скорее всего двери были со звукоизоляцией, как и сами стены квартиры, а ее жители предпочитали рано ложиться и поздно вставать. Так что место для их компании, как говорится, было намолненным. Ну а что до мусора, так на то есть консьержка, горничная, уборщица. Этот вопрос никогда их не интересовал.

Ее воспоминания становились все медленнее, а глаза начинали закрываться от тепла, разлившегося по всему телу. Хорошо хоть часы у нее были на руке! И она автоматически на них посмотрела. Третий час ночи. Если так пойдет дальше, то она заснет стоя, а утром ее, как заправскую бомжиху, отправят в милицию и оттуда уж точно вернут родителям, и тогда...

Не сказать, чтобы эти мысли как-то оживили почти заснувший мозг, но тело, собрав последние усилия, потопало наверх.

«Все-таки, – подумалось ей, – есть надежда, что наверху меня не заметят, а может, у них есть такая же, как в Ларкином доме, квартира».

Этажи давались с трудом, а лифтом она пользоваться не хотела. Она по жизни боялась входить в лифты. Откуда появился этот страх она не знала, но обычно предпочитала пройти пешком даже на десятый этаж, мотивируя это пользой для организма.

Еще этаж и еще. Старый дом. Убогие двери, обшитые дермантином. Мусор... Казалось, что этот бесконечный подъем ей уже снится. Она брела на последнем дыхании и, когда поняла, что дошла до верха, привалилась к стене, сев на корточки, и мгновенно уснула.

Снились ей двери... много дверей. Она входила в одни и выходила из других, и куда-то спешила, а двери все не кончались... двери хлопали, закрывались за ней и перед ней, и люди за ними, странно улыбаясь, не хотели с ней разговаривать. Много людей с тоскливыми лицами стояло в длинных коридорах и тоже перед дверьми, и она, затерянная между ними, металась в поисках выхода и не могла его найти.

Ловушка.

На нее смотрели несколько пар глаз. Несколько людей окружили ее со словами: «Ах, вот ты где!» – не давая возможности сделать хотя бы шаг в сторону и лишая надежды на побег.

– Вот ты где! – грозно кричали ненавидящие глаза, и им вторили губы, а руки тянулись к ней, чтобы увести.

Было холодно. От глаз, губ, рук и одежды, которая вдруг отказалась греть.

Лена почти плакала. Все так хорошо складывалось, что она поверила в успех. А эти люди появились так неожиданно, схватили ее за плечи, повели с собой, захлопнув дверь. Боже! Как она устала от дверей! Они были повсюду. Лестницы и двери. Казалось что вся жизнь ее с какого-то момента стала напоминать бесконечные двери, открытые или нет, в которые она хотела войти, входила, из которых выбегала и за которыми пряталась. Но все эти двери по большому счету не имели к ней никакого отношения. Они не были спасительными. И лестницы, череда которых варьировалась с дверями, не приносили облегчения. Подъемы и спуски не приводили ее никуда, только к очередной двери.

Она шла молча. Ее крепко держали. Они уже откричали свое, а она все продолжала молчать. И они замолчали тоже. Ее повели к лестнице. По лестнице. По коридору. Мимо дверей. Потом опять по лестнице. И опять по коридору...

«Почему они так сердиты? – размышляла она. – Я не сделала ничего плохого, не совершила преступления... А если все-таки совершила и ничего не помню?» И опять взрывом в мозг, куда-то в темечко, висок и сразу на глаза слезами: «Я ничего не помню...ничего не помню...»

– Поглядите-ка, она еще плачет, – сказала, обращаясь к другим лениным конвоирам, тетка, от которой Лена сбежала, – Она довела меня почти до инфаркта, подняла весь персонал на ноги, ее мамаша который день не может придти в себя от ее поступка, а она плачет. С ума можно сойти!

И ее прямо передернуло от отвращения к Лене, ее худеньким плечам, руке, которую она держала в своей, что она снова чуть не отпустила ее.

– Да ладно вам, Сергеевна, – сказал «мягкий» голос, – Разберемся, ведь все нормально закончилось. Матери сдадим... Почему она бежит непонятно, мать у нее с виду нормальная женщина, семья благополучная, достаток...

– Да им что этот достаток, – парировал другой тоскливый голос, – Они свое всегда возьмут. Дети...

И все на минуту притихли, думая о своем. Лена притихла тоже, перестав шмыгать носом, чтобы проглатывать льющиеся слезы. Вытереть лицо ей не давали, держа за обе руки и не ослабляя хватки. Она только могла промокнуть слезы плечом, исхитряясь это сделать на ходу и даже на лестнице.

Вскоре они подошли к двери, наконец-то открывшейся и впусившей их в маленькое чистое пространство лифта. Она так и не смогла увидеть, на какой этаж ее повезут. Злобная тетка, намеренно больно дернув ее руку в сторону, загородила кнопки от взгляда. Единственное что можно было понять – едут они вверх.

Пробуждение.

Лена проснулась от холода и шума и не сразу поняла, где она. А поняв, все вспомнила, огорчилась и стала решать, что ей делать дальше. Люди собирались на работу и в школу, хлопали двери, пахло кофе. Сейчас у нее не было той, вчерашней, решимости повернуть жизнь вспять, она бы уже вернулась домой, но... Вспомнив все «НО» и свои обещания самой себе быть стойкой в решении, она начала думать, что ей делать дальше.

Совершенно понятно, что ей нужен туалет, вода, чтобы умыться и пить, тепло, чтобы не замерзнуть и еда, чтобы продолжать жить. Туалет, конечно, можно найти, выйдя на улицу, но тогда она потеряет это теплое место в подъезде. Еда тоже на улице, а вернуться назад будет проблематично. Искать другой подъезд... В любом случае надо выходить, пока ее не одолели вопросами и не доставили в ближайшее отделение милиции для выяснения личности, поскольку «несовершеннолетний ребенок не должен...». Составить дальнейшую цепочку было легко, поэтому она исключила вариант жизни в подъезде из рассмотрения.

Лене, в ее тринадцать с половиной лет, можно было дать как меньший, так и больший возраст. Заспанная, без косметики, в байковой пижаме и носках с помпонами, она выглядела ученицей начальных классов. Ее соломенные волосы, разбросанные по плечам в полном беспорядке, сразу делали ее старше, когда она убирала их в пучок, закалывая его цветными шпильками. Если к этому добавлялась на лицо губная помада и черная подводка для глаз, то можно было дать и все восемнадцать... Она хорошо об этом знала и спекулировала на этой особенности. Но что делать сейчас, было неясно. Какой быть выгоднее – взрослой или маленькой? Наверно все-таки, когда она будет выглядеть повзрослее, она больше внушит доверия.

Лена вздохнула. На улицу выходить не хотелось. Она посчитала наличность – не густо. Сумка должна быть совсем небольшая, чтобы не привлекать внимания, поэтому она не стала снимать свитер и шапку. Если будет тепло, она лучше избежит курточки, а то она у нее очень яркая, привлекающая внимание, а в ее положении это будет только вредить. Теряться, так теряться.

Она вышла в еще холодный воздух утра и побрела по улице, раздумывая, где ей в такую рань найти туалет и привести себя в порядок. Улица быстро просыпалась, и прохожие, спешившие на службу, не обращали на нее никакого внимания. Она напряженно думала.

«Зайти в кафе? Это будет стоить по крайней мере чашки кофе или чая, а мне надо экономить. Тем более есть пока не хочется... Магазины отпадают, в них можно только греться. Школа. Да! Школа – это мысль!» – и она стала рассматривать идущий поток прохожих, выискивая в нем детей с портфелями или школьными рюкзаками. Она даже остановилась с краю дороги, чтобы никому не мешать, и повернувшись лицом к проходящим мимо ее людям, пыталась отгадать, куда они направляются. Наконец Лена увидела маму с двумя детьми. Одного та везла в коляске, а другой, лет семи, с небольшим рюкзаком за плечами, вышагивал рядом.

«Вот за ними я и пойду, – подумала она, – Наверняка они в школу.»

Было рановато для первого урока, но кто знает, может быть он дежурный, этот мальчик, подумала она и потрусилась за троицей.

Но чем дальше они шли, тем больше она сомневалась, что эта дорога доведет до школы – не было рядом хотя бы слабой струйки детей со школьными рюкзаками. Войдя в очередной двор, образованный четырьмя многоэтажными и многоподъездными домами, она увидела белое двухэтажное здание. Мама с детьми направилась туда. Нет, это была не школа, это была детская поликлиника, о чем и гласила табличка на дверях. А для нее это было просто чудо! Поликлиника гораздо лучше школы, где ее обязательно заметили бы, как только начались уроки. Господи, как она не подумала об этом раньше! Да и понятно, что войти в школу к началу уроков незамеченной, гораздо легче, чем выйти оттуда в их середине. Она, правда, достигла

высшего пилотажа в написании записок от имени своей мамы с просьбой отпустить из школы по уважительной причине. Но это в их школе, где к безопасности учеников относились спустя рукава, а во многих других учреждениях прежде чем отпустить ребенка с середины уроков звонили напрямую родителям или требовали, чтобы был сопровождающий. И вот так, размышляя о школе, она вошла в поликлинику, стараясь не отставать от своих лидеров.

Мама с мальчиком, проходя мимо регистраторши в тамбуре, сообщили, что они идут «в седьмой, к педиатру», и направились в раздевалку. Лена надеялась прошмыгнуть мимо, но регистраторша ее окликнула.

– Девочка, а ты куда?

– Я к педиатру, – ответала она тихо, сделав лицо двенадцатилетней отличницы.

– Какой участок? – гаркнула тетка.

Вот об этом Лена и не подумала. За спиной регистраторши висел большой список с участками по номерам и перечислением улиц, которые они обслуживают. Но пялиться туда было категорически невозможно.

– Седьмой кабинет, мама сказала, – протянула она жалостливо, одновременно поднимая глаза к списку и выхватывая из него название улицы на случай, если тетка заартачится.

– Ну так бы и сказала, что знаешь куда идти, – подобрела регистраторша и махнула рукой в направлении коридора, мгновенно потеряв к ней интерес.

Лена не теряя «лица» прошла мимо и разделась, получив у гардеробщицы свой жетончик.

«Так, теперь в туалет, а все остальное – потом» – дала она себе направление.

В туалете никого не было. Поликлиника только открылась, и дети еще не успели насидеться в очереди, устать, заплакаться, испачкаться или захотеть писать.

Выйдя из кабинки, Лена достала щетку и пасту, которые брала к Лариске, и наспех, волнуясь, чтобы никто не вошел, почистила зубы, а потом и умылась. Вытерлась она краем пижамы, лежащей в сумке и облегченно вздохнула: «Теперь можно немного расслабиться».

Она снова спустилась в холл и изучила список улиц и домов, какой доктор принимает сейчас в седьмом кабинете, и как этот доктор работает на неделе. Запомнила прием другого доктора, чтобы она могла при необходимости придти сюда в любое время. Для подстраховки запомнила расписание ее нелюбимого кабинета лечебной физкультуры, на которую ее регулярно заставляла ходить мать, считая, что у Лены плохая осанка.

Надо сказать, она ненавидела мать за эту ее «идею фикс». Она терпеть не могла все эти лечебные упражнения, у нее начинался истерический смех, когда ее заставляли махать руками и надевать палку на плечи, делая повороты в разные стороны. Она не хотела лежать на валиках, стоять на мостике, укреплять позвоночник и изображать ножницы. Но здесь маман была непреклонна. Если Лена отказывалась ходить, родительница переставала идти на какие-либо уступки. Если Лена жульничала на занятиях или ленилась, то это сходило ей с рук, потому что, по большому счету, докторше это все было безразлично. Но если она не приходила на занятие в назначенный час, то была буря со всех сторон...

«Да, как давно это было, кажется» – вздохнула она и пошла бродить по зданию. Она присаживалась у кабинетов, стояла в коридорах, пару раз зашла в туалет... Но настал момент, когда надо было подумать о еде, и она обменяла жетончик на свою курточку и вышла на улицу в поисках ближайшего гастронома.

xxxxx

Идти оказалось совсем недалеко. В животе радостно забурчало, а настроение поползло вверх, когда она увидела вывеску известной сети магазинов. Лена вошла в зал. Хотелось купить все – ванильные булочки, копченые колбаски, шоколадные конфеты... А как пахло! Но она, точно зная сколько денег в кошельке, ограничилась городской булкой, маленькой бутылкой

воды и двумя яблоками, одно из которых начала есть, не выходя из магазина. Была уже середина дня, а у нее со вчерашнего полдня во рту не было ни крошки.

В тамбуре, догрызая яблоко и не торопясь выходить на улицу, она обратила внимание на компанию из четырех молодых людей – трех парней и девушку лет пятнадцати. Они были странные, непохожие на ребят ее круга. Стоя в углу, они разложили на ладони монеты, пересчитывая наличность. У них, как и у нее, денег было немного и явно не хватало на то, за чем они сюда пришли.

Что-то такое произошло с Леной, что она, сделав шаг в их сторону и появившись в поле их зрения, спросила: «Сигаретки не найдется?»

– А если и найдется, – был ответ, – Мы детям не даем.

– Да ладно вам, нашли ребенка, – протянула она с видом побывавшей во всех переделках девахи. – Вижу с деньгами проблемы.

– А тебе что за печаль? Помочь можешь что ли?

– А если и так?

И она сделала скучающий вид и почти отвернулась. Было похоже, что они куда-то вместе собираются, к кому-то «под крышу», а для нее это было надеждой на временный теплый приют, если ей удастся с ними увязаться.

«Эти уж точно не будут расспрашивать, если возьмут с собой, только бы взяли» – подумала она, а вслух сказала:

– Три сотенных устроит?

– Ух, и за что такая щедрость? – прищурился самый высокий – В лотерею выиграла или родителей обчистила? Чем обязаны?

Конечно, это были не те деньги, о которых стоило говорить, но когда совершенно незнакомый человек предлагает их безо всяких условий, то выглядит это по меньшей мере странно.

– Ну я же сказала, сигареткой угостите... – чересчур лениво протянула Лена – играть, так играть.

– Если такая богатая, сама купи, – опять ответил прищуренный.

Лена промолчала и отвернулась, продолжая стоять не сходя с места. Сигарета ей была не нужна. Сказать, что она курила было нельзя, но пробовала периодически, делая вид, что это ей доставляет невероятное удовольствие. Если бы ей дали сигарету, то можно было бы завязывать разговор, знакомиться, становиться своей в компании. А без этого она и не знала с чего начать.

Ребята все еще считали и недосчитывались. Поняв, что без нее им не обойтись, они повернулись к ней все сразу.

– Нам бы столярник, – обращаясь к ней пробормотала девчонка, и видно было, что просит она об этом первый раз в жизни.

– Я же сказала, пожалуйста, возьмите, – и Лена с независимым видом начала рыться в сумке.

Найдя, она протянула сотенную группе, не давая ее никому в руки, а просто вникуда, в центр круга, в пространство, надеясь, что скоро сама станет его частью.

Девчонка взяла бумажку и, сказав «спасибо», передала ее прищуренному.

– Ага, спасибо, – по-прежнему ядовито ответил он.

Они ушли, оставив Лену одну.

«Ничего не получилось» – с тоской и безысходностью подумала она.

Подождав еще немного, она застегнула куртку и, подняв с пола сумку, накинула ее ремень на плечо, да медленно побрела к выходу.

Она чувствовала себя такой одинокой и никому не нужной, что готова была расплакаться, забыть все свои обещания, вернуться домой – по крайней мере, денег на дорогу у нее достаточно... Ну или позвонить отцу...

«Действительно, это нормальный ход, – подумалось ей – дождаться ребят и попросить их об одном звонке... или...» Она совсем остановилась в раздумье, когда услышала:

– Эй! – и автоматически повернула голову. Кричали ей. Группа из четверых уже известных ей подростков быстро нагнала ее.

Лена сделала независимый вид.

– Что, опять не хватает? – спросила она саркастически-язвительно, а на самом деле настолько беспомощно и устало, что не вызвала ответной агрессии.

– Хочешь с нами? – спросила та самая девчонка, которой она дала сотню. – Мы тут подумали, что если тебе некуда спешить...

Спешить ей было абсолютно некуда и незачем, поэтому она слишком быстро ответила: «Конечно», – вызвав улыбку Прищуренного и одобрение остальных.

– Ну, давай знакомиться. Я – Алена. – и девчонка немного подняла руку для приветствия, а помолчав добавила. – Алена Первая.

– Лена, – ответила Лена, тоже приподняв немного ладонь.

– Ого-го – захохотал Прищуренный, – не слишком ли много – две Алены на пятерых?

– Я – Лена, опять повторила Ленка – А вас как звать?

– С характером, ишь ты! Алексей, – шутовски доложил Прищуренный и, указав в сторону других ребят, продолжил – Артем, Андрей.

– Вы что специально по алфавиту подбирались? – попробовала пошутить Ленка.

– Ага, так что быть тебе Аленой Второй. Ну как, королевы, Алена Первая и Алена Вторая, идем?

И они пошагали от магазина. Минут пять они плутали между ровными рядами одинаковых домов из скучного серого кирпича. Казалось, что дома уходят на край земли вместе с тянущимися вдоль них бесконечными глухими заборами. Окружение все меньше становилось похожим на город и тем более на тот город, в котором жила Лена. Между тем Алена тараторила без перерыва, немного оторвавшись от мальчиков и посвящая ее в планы компании.

– Сейчас мы идем к Максиму. Макс – художник. Он – потрясающий. Мы идем в его мастерскую. Он там что-то вылепил гениальное, и попросил нас прийти и обсудить.

– Он скульптор? – попыталась уточнить Лена, но ответа не получила.

– Он – классный. У него целый дом под мастерскую. Я тебе все покажу, тебе понравится... и Макс понравится... у него там много людей бывает... всегда народ толчется... Только правило одно – когда приходишь, то надо принести кофе, сахар, чай и хлеб с собой. Без этого не пускает. Видишь, а мы собрались сегодня, а с деньгами, как назло... Ну прямо, как назло!

И пожаловалась: «Он же запретил приносить любой кофе, только самый дорогой – а потом тяжело вздохнула – Иначе может обидеться и потом не пустить...»

Ребята им махнули, чтобы поторапливались, и вскоре все нырнули в прореху между автосервисом и огороженной территорией какого-то института с вывеской из четырех букв и метров пятьдесят шли по узкой кишке между очередными двумя заборами. Неожиданно заборы оборвались с двух сторон одновременно, и они очутились в большом прямоугольном дворе – налево пятиэтажка, направо красное здание школы, впереди – небольшой скверик, за которым какие-то бараки, обгорелые развалины и ТЭЦ.

– Смотри, вот она, мастерская, – с придыханием сказала Алена, показав налево.

Поиски.

Когда Лена не появилась к ночи воскресенья, Ирина Андреевна еще не волновалась. Она прибирала квартиру, пила чай и расслабленно сидела перед телевизором, дожидаясь возвращения дочери.

«Бывало такое, знаем. Придет, куда денется...» – думала она, продолжая заниматься своими делами.

Ближе к полуночи она позвонила Ларисе узнать не у нее ли дочь, но заспанная Ларка ответила, что Лена ушла домой в середине дня, и совершенно не проявила желания что-либо обсуждать дальше. Ирина Андреевна выждала еще немного и позвонила дочери на мобильный. Поскольку эта бунтарка частенько не поднимала трубку или просто сбрасывала звонки, это всегда было неприятно. Но узнать, где ребенок, было необходимо – где-то в середине груди и немного в горле нарастало странное волнение, которое никак не хотело подчиняться разуму, повторяющему, что беспокоиться не о чем вообще.

Мобильный Лены зазвонил в коридоре, и она быстро пошла туда, думая, что Лена просто вернулась и сейчас раздевается, а поэтому не берет трубку. Но телефон играл свою дурацкую попку на полочке под зеркалом, закрытый платком, свалившимся с вешалки. Рядом лежали Ленины ключи от дома. Ирина Андреевна смотрела на все это и не могла поверить глазам. Осознание приходило очень медленно. Мысль, что она не может позвонить дочери сначала пульсировала в висках, а потом разлилась по всему телу непривычным испугом, сделав ее, волевою и всегда уверенную в себе, беспомощной и слабой. Она чувствовала себя словно в ловушке и задавала сама себе в десятый раз вопрос «это как же?», задавала совсем по-бабьи, растеряв весь свой лоск: «Это как же так?»

«Это как же так случилось?» – бормотала она.

Потом она бросилась к телефону и начала звонить мужу. Вообще-то он давно выговаривал ей за излишнюю жесткость в обращении с дочерью. Но сам он воспитанием не занимался, пропадая на работе, и об их с Леной конфликтах знал от случая к случаю.

– Алло... – его голос был усталый и от этого глухой – Алло, слушаю.

Она собралась с духом.

– Ты когда придешь домой? Скоро? Выходной сегодня.

– Да, почти выезжаю. А что случилось?

И тут ее прорвало. Она не стала ждать его приезда, а прямо в мобильник, плача и крича, поведала историю их с Леной конфликта, уход ее из дома, не забыв провить про оставленные ключи и телефон. Она, обливаясь слезами, вопрошала, что делать, а он молчал и молчал, огорошенный, усталый и почти равнодушный.

– Не плачь, я сейчас приеду, не плачь. – только и сказал он, сразу повесив трубку.

Она рыдала и металась по квартире, а потом вспомнила про мобильный телефон. Взяв его с полочки, как самую дорогую драгоценность мира, она пролистывала телефонную книжку дочери и набирала все номера подряд, задавая собеседнику только один вопрос: «Лена у тебя?». Кто-то спал и отвечал лаконично-раздраженное «нет», кто-то не отвечал на звонок совсем, кто-то долго дурачился, выясняя, почему Ленке нужна Лена и что у нее с крышаком, были и такие, которые посылали. Но во всех случаях, когда отвечали, она понимала, что дочери там нет. Она прозвонила все номера к приезду мужа и готова была начать снова выть и метаться по квартире, когда повернулся ключ в замке и Игорь, не снимая обуви, влетел в комнату. Куда только делось его телефонное спокойствие?

– Рассказывай! – почти закричал он, а она уже знала, на чьей стороне он будет. Хотя в настоящей ситуации это было неважно, важно было найти Лену.

Она, плача, рассказывала и про поведение дочери, и про скандал в коридоре, и про то, как обнаружила ее ключи и телефон, и как обзванивала ее друзей. Около двух часов ночи они с мужем стали звонить в милицию. Она, зареванная и не имеющая возможности связно говорить и думать, и он, подавленный и неуверенный, пытались узнать, что им делать в такой ситуации, куда обращаться, как заявить об исчезновении ребенка.

После вопросов: «А не у подружки ли она? А не пошла ли она к мальчику ночевать?» и раздражения на возражение родителей: «Да вы можете этого и не знать!» и опять вопросов: «А не употребляет ли она алкоголь? Наркотики?...» ... и далее по списку. «А уходила ли она раньше из дома? А как часто у вас конфликты?», они наконец-то дождались советов. Им посоветовали еще раз обзвонить всех лениных друзей и знакомых ее возраста. Знакомых и друзей семьи, близких и далеких родственников, о существовании которых знала девочка.

– Лучше дождаться утра, – сказал спокойный дежурный, – Не будить людей. А сейчас вы можете позвонить в общую справочную больниц и морги. Да и ложитесь отдыхать. К нам советуя прийти денька через два, если она не найдется, все-таки возраст переходный.

И он, пожелав счастливого разрешения ситуации, повесил трубку, оставив их наедине со своей бедой.

xxxxx

Пробуждение было ужасным. Ирина Андреевна помнила только страх и надежду той ночи. Морги, описание одежды, «нет», «да», описание особых примет, длинные гудки телефона и опять страх, и опять надежда. Они с Игорем все-таки немного поспали, хотя вряд ли это можно было назвать сном. Но три часа усталой дремоты дали возможность немного отдохнуть, и с утра они начали опять обзванивать лениных приятелей.

Особая надежда была на тех, кому ночью Ирина Андреевна дозвониться не смогла. Вторым эшелонам стояли родственники, которых, надо сказать, у них было очень немного. Когда и с этим делом было покончено, они снова вернулись к обзвонке больниц и моргов.

Игорь на работу не пошел, а метался, как и она, из угла в угол, звонил, носил кофе, валидол и чай для них обоих. Она плакала, обзванивала больницы, проводя на дозвонке слишком много времени и каждый раз погружаясь в смешанное чувство желания и страха одновременно. Желанием было найти дочь, пусть даже в больнице, страх – в каком состоянии. И пока она ждала ответа на другом конце провода, ее воображение рисовало картины одну страшнее другой.

У Игоря задача была тяжелее, а эмоции проще – каждый раз, звоня в морг, он истово надеялся, что его дочь или похожий на нее ребенок не лежит в стенах этого заведения. Среди дня он поехал в морг, куда под утро привезли левочку лет двенадцати, сбитую машиной. По описанию она походила на Лену, хоть и была одета совсем не так, как она. Надо было проверить. Вернулся вымотанный, бледный и молчаливый. Единственное, что сказал Ирине: «не Лена» и рухнул в кресло.

К вечеру они пошли писать заявление. И дальше был ад ожидания.

Знакомство

Мастерской был небольшой одноэтажный домик, с розовыми стенами и отгороженным простой рабицей садиком вокруг. Он, притулившийся в углу между сквериком, гаражным кооперативом, детской площадкой, сгоревшим баракком и ТЭЦ, казался почему-то круглым, а крошечный садик вокруг – запущенным и уютным одновременно. По периметру вдоль ограды стояли белые скульптуры, разной степени готовности или разрушенности. Под огромным кленом царствовал большой стол, чуть сбоку мангал.

«Значит, скульптор» – подумала Лена.

Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься на десять достаточно крутых ступенек, и войти как бы в подвал. Сразу было видно, что ребята с удовольствием и каким-то азартным предвкушением заходят в дом. Лена поняла, что в этот момент они просто забыли об ее существовании и были полны эмоциями чего-то, ждущего их за этими стенами. Чего? Ей только предстояло узнать. Никто из них не подумал объяснить ей что-либо, поэтому она полностью доверилась сбивчивому рассказу Алены и вместе со всеми поспешила внутрь.

Меньше всего можно было ожидать то, что она увидела. Убогая лестница вывела их на угол огромного светлого зала, который казался белоснежным, с окнами по всему периметру и потолком, парящим где-то там, высоко-высоко. И Лена, даже толком не успев осмотреться, но почувствовав себя такой маленькой в этом месте, непроизвольно ахнула, вложив в этот короткий звук все неожиданное благоговение и восхищение. И это ее «Ах», казалось, вернуло всех в действительность, и четыре головы, мгновенно повернувшись к ней, застыли в немом вопросе. Казалось ребята силились вспомнить, кто она такая, и как она оказалась вместе с ними в этом священном пространстве.

Потом головы заулыбались и, обращаясь куда-то вдаль, почти хором сказали.

– Алена Вторая ...

И в этом нереальной белизны пространстве и свете, который мешал разглядеть всю комнату, прозвучал бархатно-спокойный голос:

– Ну, что ж, проходите... и Алена Вторая тоже...

А его обладатель показался из-за мольберта, обращенного к окну, а потому скрывающего своего хозяина от постороннего взгляда. Чуть лениво, но все-таки протягивая руку, он подошел к Лене.

– Привет, привет, Алена Вторая. Я – Макс.

И без малейшего перехода в интонации:

– Располагайтесь. Чай-кофе – сюда.

Он указал на огромный стол, стоящий около стены и окруженный разнокалиберными стульями, никоим образом не совпадающими друг с другом ни по материалу, ни по фактуре, ни по возрасту... Было понятно, что появились они здесь по случаю, выброшенные хозяевами в силу профнепригодности. Пластиковые легкие креслица соседствовали с деревянным антиквариатом прошлого века, но настолько выдавшим виды, что сиденье заменяла уже продранная подушка, а колченогая табуретка подпирала такой стул сбоку, то ли чтобы не дать ему упасть, то ли, чтобы не упасть самой, то ли для обоюдной выгоды. Остальные экземпляры тоже были достойны отдельного описания, если бы не стол. Стол этот, как квинтэссенция всего места, был самодельным. Заляпанный самыми разнообразными жидкостями, заваленный горами разномастных предметов, он скорее напоминал место, куда складывают всякие ненужные вещи до случая, чтобы потом, при необходимости, извлечь оттуда что-то ценное. И только застеленный клеенкой угол, на котором толпились чашки с остатками кофе и чая, пластиковые стаканчики с недопитым вином, пластиковые крышечки от банок с лежащим на них засохшим сыром, да зачерствевшим хлебом, подтверждал его оригинальное предназначение. Может быть этот стол

никогда не убирался, может убирался слишком часто, судя по вытершемуся рисунку на клеенке, но ребята с удовольствием сложили на него принесенные припасы и кинулись ставить чайник.

Ну а когда к ней подошел Макс, то она и вовсе расслабилась, почувствовав себя дома и осознав, что здесь и сейчас ее жизнь круто меняется. Она не могла сказать как, но была уверена, что ровно с этой секунды превращается в другого человека, Алену Вторую.

Каждое свободное место вдоль стен этой странной комнаты было занято скульптурами. И, как потом выяснилось, каждому, впервые пришедшему сюда, Макс устраивал маленькую экскурсию по периметру этой комнаты.

Поэтому и сейчас он предложил показать свои работы. Оказалось, что только небольшое количество скульптур было сделано для себя, а основное – на заказ, но по воле обстоятельств эти заказанные скульптуры так и остались здесь, в мастерской. Каждая из них имела свою историю и причины проживать в этом месте. Про каждую вещь с улыбкой и активной жестикуляцией, иногда вставляя острое словцо, Макс рассказывал совершенно невероятную историю.

Лена была поражена, услышав этот очень приятный и, чувствовалось, отточенный за множество прогонов спектакль. Она была изумлена, с каким почтением к ней отнесся Макс и как по-взрослому он с ней разговаривал. И даже пикантные словечки в его рассказе скорее были просто острой приправой к пресному блюду экскурсии, а не оттачиванием ненормативной лексики перед и так хорошо осведомленным подростком.

Когда они завершили обход комнаты по кругу по часовой стрелке, закончив его у самого входа, то там обнаружился незамеченный Леной холодильник, раковина и электрический чайник, который уже вскипел и ждал только момента быть поставленным на стол.

На другой стороне стола, который в силу своей огромности находился на таком отдалении, что в первые минуты пребывания здесь Лена не могла разобрать, что там лежало, жили своей игрушечной жизнью вылепленные маленькие фигурки на скамеечках, десятисантиметровые скульптурки и бюстики. Очевидно пока это были только наброски оригинальных работ, но уже сделанные с большой степенью точности. Тут находились и хорошо известные актеры, вылепленные в полный рост, и фигурки знаменитых людей, и сидящие на скамеечках совершенно незнакомые ей персонажи, которых, как сказал Макс, принято рассматривать, оценивать, ранжировать по степени нравится-не нравится, похож-не похож, и всячески обсуждать, чтобы он слышал отзывы, понимал куда и как развивается и «не звездился без надобности».

Над этой фразой Лена особо поулыбалась, потому что у нее эта «звездистость» была врожденной чертой характера, и только оттого что она сейчас оказалась в таком бедственном положении, она изо всех сил пыталась скрыть это качество, о котором ей толковали родители и учителя. Она привыкла к нудным нотациям типа, что «ты еще ничего такого не совершила, чтобы себя так вести». А потом выходило, что и когда даже что-то сделаешь достойное, то опять вести себя так не гоже, а надо быть скромной, отзывчивой и рассудительной. У старящейся все время и любыми путями выделиться Ленки, эти слова вызывали раздражение. Она протестовала и внутренне, и внешне, и потому что поведенческие ее привычки были таковы, у нее не имелось близких друзей, кроме Лариски. У нее было достаточно приятелей, поклонников и последователей, тех, кто делал из нее кумира, подражал и набивался в друзья, а, оказавшись близко, пытался скинуть ее с воздвигнутого ей самой пьедестала и занять на нем место. А друзей... друзей, кроме Ларки у нее не было...

А здесь – взрослый мужчина...

«Кстати, сколько ему лет?» – подумалось Лене.

...Здесь взрослый мужчина, художник, разговаривает с ней без выпендрежа и превосходства и ставит ее в такое положение, что она может высказываться об его работах, критиковать, одобрять и не быть при этом достаточно жестоко им осмеянной, в результате своей некомпетентности или отсутствия художественного образования.

Она выплыла из своих мыслей, увидев что Макс указывает на одну из стен, рассказывая про висящую на ней картину. Эта картина была подарена знакомым художником, но дома ей места не нашлось, а потому она теперь живет здесь, в мастерской, вкуче с остальными двадцатью полотнами, не нашедшими своего места в другом доме. И только тут Лена осознала, что все стены густо увешаны картинами, а помещение не такое и большое, да и окна не так высоки, как показались изначально. При ближайшем рассмотрении все вокруг оказалось покрыто слоем пыли.

«А, – подумала она, – видимо эффект белизны дает гипсовая пыль, вот почему все такое нереально яркое, даже потолок.»

– Ну хватит прелюдий, – сказал Макс, – давай чай пить.

На столе уже стояли чашки и сахар, пара бубликов и буханка черного хлеба, наполовину порезанная.

– Ребят, а в холодильнике смотрели? Может есть что-то более романтическое для гостей? – сказал Макс, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да, я не голодная, и... – поспешила ответить Лена.

– Ну, слово королевы – закон. Наливайте чай Алене Второй.

На самом деле Лена была страшно голодна, и булка, лежащая у нее в сумке, не давала ей покоя с той самой минуты, как была куплена. Казалось, что запах хлеба пробивается из пакета, щекочет ноздри и пропитывает всю одежду. И даже когда она, бросив сумку у стола, двигалась вдоль комнаты, запах шел с ней вместе.

Ей налили чай, пододвинули хлеб и сахар и, наполнив свои чашки, стали разговаривать о непонятных ей вещах, совершенно не замечая ее присутствия. Все ребята учились в «художке», так они называли это заведение между собой, а что это было школа, студия или училище она не знала и пока не спрашивала, стараясь не обращать на себя лишнего внимания. Она пила чай и ела кусок черного хлеба, показывая всем видом, насколько не интересуется этот кусок, и ест она его от безделья, а не оттого, что хочет есть.

Разговор крутился вокруг картин, скульптур, заказов, краски и литья, то есть в тех сферах, в которых она не понимала совсем, а у нее было время подумать, как объяснить всем, кто она такая, как остаться здесь ночевать хотя бы сегодня, как...

– Алена Вторая, Алена! Ты нас заслушалась? Или у тебя проблемы? – выдернул ее из построения вариантов голос Прищуренного, Алексея.

– А то, – ответила она, продолжая выстраивать цепочку умозаключений и никак не идя на контакт дальше.

– Интересно... – протянули они хором с Максом. – Какие же?

– Домой надо переться, чтобы сказать матери, что я задерживаюсь. Я ведь уезжала к подруге, обещала после обеда быть дома, а дело к вечеру, – и ее лицо выразило все спектры добропорядочности и страдания, какие знало.

– В чем вопрос? Позвони домой, вот проблема!

И тут Лена поняла, как она дальше разыграет партию.

– Не могу позвонить. Нет телефона. Мы только переехали. У нас даже еще и мебели нормальной нет. Родители купили хату, ну и... даже спать негде, подушки и одеяла только. Всю мебель старшему брату оставили...

Боже, что она несет, подумалось ей, что она несет! У нее и брата-то никогда не было!

– Придется идти... Мобильника тоже у матери нет.

– Да, и мне сегодня домой, – сказал Макс. – Не может ли кто-то из вас остаться здесь? У меня клиент с утра, а я могу подзадержаться. Встретить его надо бы, чаем напоить...

Ребята почти одновременно помотали головами – не можем.

– У нас нулевая, очень рано надо быть. – ответил за всех Артем.

Лене было непонятно все из того, что они сказали, однако сам отказ порадовал безгранично: «Йес, у нее есть ночлег!», а вслух она очень сдержанно, обращаясь к Макс, сказала.

– Я могу. Если ты, конечно, не боишься меня здесь одну оставлять.

– А что мне бояться? – хохотнул Макс, – Литье что-ли сопрешь? Так кому оно кроме заказчиков нужно? Остальное так же бесценно, на помойке собрано. Если сможешь ночевать, премного буду благодарен.

– Да, – сказала Ленка, – Только к матери смогаюсь. Да и предупредить ее надо, что ночевать не приду... ну и одежду взять. А где спать? Раскладушка-то хоть есть? – спросила она оглянувшись.

– Пойдем, Алена Вторая, – сказал Макс. – я же тебе не все показал. Святая святых осталась.

И он довольно грациозно поднялся со стула и направился в сторону входной двери. Там, между холодильником и раковиной оказалась лесенка, которая вела наверх и которую Лена почему-то изначально не заметила. Эта лесенка шла как-то назад из зала, вбок, и приводила на второй этаж в достаточно темную комнату без окон. Вид этой комнаты совершенно не соответствовал нижнему залу. Он уже не рождал этого вдохновенно – восхищенного «А-а-х», а вызывал чувство недоумения своим контрастом. Это был уже современный мир – двухспальная кровать, телевизор, DVD и книги на полках по стенам.

– Ой, – сказала Лена. – Уютненько. А ванна тоже есть?

– Смотри, – ответил Макс и распахнул дверь в достаточно большое пространство посреди которого стояли белоснежная современная ванна, такого вида, что можно было предположить, что вряд ли кто когда-либо в ней мылся, душевая кабина с розовым ковриком около, унитаза и раковина. Они были так же, как и ванна, нереально белы и блестящи, что создавалось чувство, что они только привезены из магазина.

– Ой, – сказала изумленная Ленка. – А этим можно пользоваться?

– Нет, для красоты, – усмехнулся Макс. – Подумай, зачем я все это нес сюда, монтировал, чтобы смотреть?

Ванна блистала и молчаливо спорила с хозяином, практически этот спор выигрывая...

– А я думала, может...

– Думала-думала... пользуйся, только убирай за собой. Все средства в этом шкафчике, – и он махнул рукой в сторону зеркала. – Все помыть с утра. Это условие. Поняла? Ну или ты не пользуешься ничем и тогда не убираешь. Поняла? Если замечу, что ты нарушила это правило, то больше сюда не придешь.

Как мыть туалет Лена не знала, да с и с мытьем ванны была незнакома. Все за нее обычно делала либо мама, либо уборщица, все попытки приучить ее к этой работе были тотально безуспешны. Но она так хотела уюта, горячей воды и чистоты, что была готова принять любые условия, а потому поторопилась подтвердить свою способность соблюдать чистоту.

Они спустились вниз, и Лена засуетилась.

– Ну, мне надо бежать, я быстро. – Сказала она и схватила сумку.

xxxxx

Конечно же идти Ленке было некуда, но ей хотелось поскорее вернуться, обустроиться, растянуться на кровати... поэтому она пулей выбежала на улицу и пошла быстрым шагом заходящая на дорогу. Она вообще не хотела далеко уходить, боясь заплутать и не суметь прийти назад. Поэтому, заметив по часам время, прошла вдоль забора и, выйдя к первой же пятиэтажке, начала кружить около, все время поглядывая на часы.

У нее было так много впечатлений за этот день и так много переживаний, касающихся адаптации и возможности выжить, что она практически забыла, что у нее есть дом, родители,

школа. Не сказать, что она испытывала вину, прощение, или сожаление, она просто об этом не думала. Все ее мысли были заняты новыми событиями и желания вернуться домой или, наоборот, исчезнуть из дома навсегда у нее не возникало. Не сказать, что это приключение захватило и увлекло ее без остатка, просто оно стерло память недавних событий, провело черту и дало новую точку отсчета, за которой другая жизнь не оставляла места для прошлого.

Она мерзла на улице, немного щипала хлеб из сумки и вожаденно поглядывала на время, чтобы прошли те сорок минут, определенные ею, как не вызывающие подозрений у ребят.

Когда наконец стрелка часов разрешила ей возвращение в теплую мастерскую, она припустила почти вприпрыжку обратным ходом вдоль заборов, по ступенькам и влетела в зал ставший уже почти родным ...

– Ну что, разрешили тебе? – раздался голос Макса, как только она появилась в дверях. – А то вот ребята ждут и на спичках тянут, кому из них прогуливать учебу.

Она закивала, совершенно не представляя, как более естественно вести себя, чтобы не вызвать подозрений, а потому грубовато огрызнулась:

– Сказала же, остаюсь.

– Нет. Ну ты мне скажи, – прицепился Макс, – Как это тебя, практически ребенка, мать отпустила неизвестно куда ночевать? Да еще в новом для вашей семьи месте?

– Ну почему ребенка, – парировала она, – Не ребенок я вовсе, а мать... ей не до меня сейчас... Пусть... – сказала она мягко, пытаясь придать голосу как можно больше загадочности.

– Ну да ладно, ребята, коль Алена Вторая остается, мы можем расходиться. Завтра, если хотите, встретимся опять. – сказал Артем.

– Да и мне надо идти. – согласился Макс, – Только вот дам королеве последние инструкции.

И он подошел к Алене, начав объяснять и показывать, как закрывать дверь, во сколько ей вставать, кто придет, как встречать, как приготовить чай и завтрак для себя и гостя. Она внимательно слушала, пытаясь запомнить все и в тоже время страстно желая остаться одной.

Ребята уже оделись и ждали Макса, который закончив инструктаж и выпив остатки чая, бросил на прощанье «кружки помой» и слился с компанией. Уже закрывая за собой дверь, они оглядывались и каждый говорил «пока», «будем», «до скорого», «увидимся», а Макс сказал «не шали».

Лена осталась одна.

Что такое счастье? Она никогда раньше не задумывалась об этом. Ей казалось, что счастье всегда где-то там, далеко в будущем... Оно блистает капотом дорогой машины, оно идет по подиуму или лежит с любимым в лучшем номере лучшей гостиницы... Теперь она точно знала, что счастье – это кровать на втором этаже, горячий чай и полная защищенность. Счастье – это когда не надо бежать, прятаться, врать и выживать. И она была счастлива в этом белоснежном мире. Только это состояние счастья, родившееся здесь и сейчас, было реальным, меняя ее, делая другой. Все остальное – глупые детские мечты...

Другая жизнь

Она приоткрыла глаза, немного приходя в себя и вспоминая, где она, как оказалась в этом месте, и чем будет сегодня заниматься. Дела были расписаны плотно. Если она хочет хотя бы немного здесь задержаться, то надо оставить идеальный порядок. На часах было половина девятого. Она быстро помчалась в ванну. Чистя зубы, она размышляла о том, как странно сложились последние дни. Она забыла, например, что есть косметика. Раньше красила бы полвечера лаком ногти, да с утра укладывала волосы, густо сдобривая их всякими фиксаторами, а сегодня у нее есть только зубная щетка, расческа, да базовый набор, умещавшийся в школьном пенале, – карандаш для глаз, губ, тушь и крохотное зеркальце, которые она всегда носила с собой. Если она ночевала у Ларки, то пользовалась ее косметикой. Зачем таскаться со своей, если у подруги все было точно такое же? Раньше она бы и зубы чистила в три раза дольше, подгоняемая материнскими воплями, что опоздает в школу, а сейчас, быстро выйдя из душа, Лена поспешила убрать за собой весь беспорядок, почистив раковину и туалет, прежде чем посмотрелась в зеркало и коснулась волос расческой.

И у нее всплыла последняя мысль вчерашнего дня – началась другая жизнь.

Она упаковала свои вещи в сумку, еще раз огляделась в поисках забытого и необработанного, не нашла и спустилась вниз. И только тогда спокойно выдохнула – успела. Надо было организовать завтрак, чай или кофе для заказчика, пока не подойдет Максим. Вообще-то, как она узнала вчера, кофе был основным напитком для разговора с гостями. Варил его сам Максим, варил в турке, с ритуалом, похожим больше на колдовство, нежели на обычный процесс заваривания ароматного напитка. Она варить кофе не умела совсем, а потому решила ограничиться мытьем нескольких чашек, уборкой стола и кипячением воды для чая. Выставив ароматные пакетики, полбатона хлеба и сахарницу, она присела на стул.

Пока Лене не хотелось думать о том, что будет с ней дальше в так внезапно изменившейся жизни, пока она наслаждалась устроенностью, осенним солнечным днем и яркими бликами на белых стенах мастерской. Она не готовила себе очередную историю, она не думала о том, как ей вернуться к родителям или зацепиться здесь, в этом очень свободном и уютном месте. Она просто проживала этот момент с наслаждением, пребывая в полной гармонии с действительностью.

За дверью раздались шаги, она открылась без стука и слишком смело для чужого человека. Из-за нее показался Максим.

– Ааа... Привет-привет. Проснулась, убралась, не приходил???

Вопросы сыпались градом совершенно на разные темы. В обычной жизни щебетливая Ленка предпочла не отвечать ни на один из них, а только кивала, соглашаясь или нет.

– Ты что молчишь? У тебя голос пропал? Как спалось? Комнату прибрала? Вижу-вижу – стол чистый, чашки помыла... молодец. Тебе наверно убежать надо? Так никто не приходил?

И Макс засвистел что-то веселое, снимая куртку и устраивая ее на вешалке. Запихивая свои ботинки в обувную полочку, стоящую около самой двери, сверху которой лежала всякая всячина, никоим образом не относящаяся к обуви, он продолжал свистеть. Но только теперь мелодия была более натужной и грозила прерваться в любой момент. Вместо ботинок он надел удобные домашние туфли, а вместо куртки – мягкий блейзер, в котором она его видела вчера.

– Кофе? – Спросил Макс, направляясь к плите. – Так не приходил? Алена Вторая, что молчишь?

– Не молчу, – ответила она и улыбнулась. – Никто не приходил, спала хорошо, все убрала, спешить не надо, но уйти придется. Все.

– Все? А почему тебе не надо спешить? Ты где учишься?

Алена попыталась беззаботно улыбнуться.

– Я училась в гимназии, на другом конце города, где мы жили. Теперь надо переходить в другую школу. Очень далеко ехать до старой... Но что-то не сложилось, и у меня есть пара дней каникул, пока предки улаживают мои дела. Да и свои тоже... – улыбнулась она грустно.

Она подумала о том, что уже две ночи ее не было дома и наверно ее ищут, а может ее портреты развешены во всех отделениях милиции, а ориентировки розданы милиционерам.

Да, ей никак нельзя попадаться им на глаза, а еще нельзя проходить мимо всяких досок с вывеской «Разыскиваются!».

– Что молчишь? Не слышишь? Я тебя спросил...

И тут в дверь постучали. Макс пошел открывать, а она отошла от стола и присела на ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, готовая уйти сразу же, как только Макс начнет разговор с заказчиком.

Круглолицый коренастый дяденька с одышкой и внушительным пузиком долго расшаркивался в прихожей, спрашивая туда ли он пришел, это ли Максим, выказывая восхищение работами, которые он видел у друзей, и пристраивая свой портфель рядом со стулом, на который ему указал хозяин.

– Я пойду? – почти неслышно, больше глазами спросила Лена Макса.

– Хлеба купи, – ответил он и полностью потерял к ней интерес.

xxxxx

Лена старалась как можно дольше не уходить в этот солнечный осенний холод. Она вдумчиво искала туфли, надевала свитер, куртку, пристраивала шапку. И все-таки вышла и, как вчера, пошла в сторону серого дома.

Да, хлеб! Это был шанс вернуться и может даже снова переночевать. Одиннадцать утра. Впереди целый день, ненаполненный ничем. Было понятно, что назад она не может появиться раньше, чем через три-четыре часа. А то и пять. Она обошла серый дом и решила все-таки вернуться к мастерской Макса, чтобы обследовать окрестности. Пока Макс занят, пока ребята учатся, пока еще она никому не знакома, а потому на нее никто не будет обращать внимания, надо понять, есть ли возможность ночевки поблизости. Даже если она еще раз или два переночует у Макса, то все равно когда-то надо будет уйти. О том, чтобы вернуться домой, она не думала. Она как-то потеряла чувство дома. То ли освободилась от давления матери и необходимости выпендриваться перед друзьями, доказывая всем (да и себе тоже) какая она необыкновенная, то ли отдыхала от ежедневных распрей. Но среди этих, почти незнакомых людей, она вдруг почувствовала себя свободнее и комфортней. Она не задумывалась, как она выглядит и как надо улыбнуться и повернуть голову, чтобы оценили другие, больше того, она даже не смотрелась в зеркало каждые полчаса, как это делала в той, другой жизни. Она стала спокойнее и естественней, как будто бы вернулась назад, к себе, хотя вряд ли осознавала это. Просто, ища место для ночлега, она даже не держала в голове возвращение домой, как опцию.

Когда она дошла до точки, где обрывались заборы, после которой они с ребятами оказались в большом прямоугольном дворе с пятиэтажкой и красным зданием школы, она пошла по направлению от мастерской и увидела вчерашний магазин «Продукты». Он единственный в этом районе выглядел центром притяжения людей, а все остальное вокруг было как будто нарисованным, абсолютно безлюдным, бездвижным и слегка неуместным. «Да, странный район.» – подумалось ей.

Лена шла мимо домов, разок покачалась на качелях детской площадки, пару раз присаживалась на лавочки около подъездов, благо в это холодное время старушек-пенсионерок на них не было.

Как ее не любили бабки ее родного подъезда! Когда она проходила, то казалось, что они шипели и плевали ей в след. Выражение их лиц показывало полное осуждение, а мысль, кото-

рая читалась, глядя в эти лица, была только одна – «мы такими не были». Лену совершенно не трогало то, что говорили и думали о ней противные бабки. Ей было безразлично их мнение, когда бы она не проходила мимо них. Но сейчас она не хотела лишних расспросов, потому что была уверена – на ее поиски поднята вся полиция. Может быть даже ее фото есть в газете?

Она подошла к киоску. В маленькое окошечко невозможно было увидеть даже названий газет, не то, что заголовки или фотографии. Все стекло ларька было увешено открытками, новыми гляцевыми журналами, заколками, фигурками и какими-то предметами грошовой стоимости и непонятого предназначения.

Она отошла в сторону, решив подождать кого-то, кто купит прессу.

Холодно. Как же холодно в это время года. Она раньше совершенно не замечала осени. Зима врывалась в ее жизнь криками матери о необходимости тепло одеваться. А вот осень означала только появление шапки для вечернего гуляния. Ну что шапка – вышел на улицу, сунул в сумку и забыл.

Холодно. Пустынно. Одиноко.

Прохожий подошел к окошку и купил газету. Она практически встала на цыпочки... Ее фотографии на первой странице не было... и на последней тоже. Наверно можно расслабиться. Она стала ходить между домами, разыскивая место для ночлега. На ее счастье подъезды были открыты. Ни кодов тебе, ни домофонов, ни приставучих консьержек и видеокамер над козырьком. Она заглядывала в каждый из них по очереди, выискивая пристанище хотя бы на одну ночь. Было понятно, что переночевать можно в любом. И она успокоилась.

Время тянулось катастрофически медленно. А еще хотелось есть, и она направилась в магазин. Если встретит своих, скажет что за хлебом, если нет, то нужно купить булку и сразу съесть.

Она купила булочку и постаралась задержаться в теплом помещении дольше, рассматривая витрины и отщипывая по кусочку, чтобы незаметно сунуть в рот. Отогревшись и доев все до крошки, Лена все равно осталась стоять у витрин. Хотя бы пару часов продержаться, хотя бы час.

Встреча.

Что можно сказать о родителях, которые ищут своего ребенка? Они убиты горем? Наверно, нет. Они полны надеждой? Тоже нет. Они умирают от страха?

Если соединить это все вместе, то и получится состояние, близкое к тому, что Ирина Андреевна и Игорь испытывали в эти дни. Убитые горем родители были полны надежд, со страхом ожидая, что с их ребенком произошло непоправимое.

После ужасного понедельника Игорь нашел в себе силы выйти на работу. Они с женой не хотели, чтобы информация просочилась в прессу. Не сейчас. Зная предысторию пропажи Лены, зная ее норовистый характер, он считал разумным повременить с вынесением их беды на люди. Но напряжение было такой силы, что каждый телефонный звонок практически подбрасывал его вверх, и рука, тянувшаяся к трубке, замирала, давая время успокоиться сердцебиению и уняться одышке. Впрочем, умом он понимал, что все эти звонки касались только его работы, но когда он поднимал трубку, то сердце стучало, голос срывался, и звонившему казалось будто к телефону спешили издалека.

Поэтому, когда под вечер жена позвонила и сказала, что Лена нашлась, в первую секунду он не поверил.

Да, да, звонили из милиции и после повторного уточнения примет – роста, цвета волос, глаз и особых отметок сомнений не осталось – Леночка. Сказали с ребенком все нормально, и можно приехать за ней завтра. Ирина Андреевна хотела срочно увидеть дочь, но только завтра с утра придет бумага с точными координатами, которую она может забрать в милиции и тогда уже ехать. Иначе ребенка ей не отдадут.

Какой она будет, эта встреча?

Об этом Ирина Андреевна вспомнила сейчас, после того как и встреча состоялась, и Лена была очень странной, а тогда, в дороге, она размышляла, как могло занести ребенка так далеко...

«Конечно, у Лены были деньги, но все-таки. И почему этот город... здесь нет даже далеких родственников, а уж тем более друзей... – думала она. – Сказали, что физически она в порядке, нужно только подтверждение мамы, поскольку девочка не хочет общаться. Потом можно забирать.»

И сейчас, находясь одна, в ожидании заключительной встречи, в ожидании, когда же ей отдадут ребенка, она так и не могла понять ситуации.

«Нет, ну почему все-таки этот город? Она же никогда не была здесь, – перекручивала у себя в голове женщина. – Интересно, почему она так реагировала?» – Ирина Андреевна не сомневалась, что эмоции дочери будут непредсказуемыми, и вряд ли она будет рада появлению матери. «Но как сильно она изменилась! Почему она молчит?»

Ирина Андреевна представляла, как они едут назад, какими станут их отношения в будущем... Она мысленно обнимала свою девочку и гладила по голове. Хотя, конечно, у нее было масса вопросов. Она опять возвращалась к началу.

Первый шок случился, когда она, приехав по указанному адресу, обнаружила, что это больница, вернее Медицинский Исследовательский Институт. Вопрос «почему ее направили сюда?» крутился в ее голове, словно заезженная пластинка, все время пока она парковала машину, проходила внутрь здания, показывая внимательному охраннику заверенную бумагу, выданную ей районным отделением милиции с адресом, загадочной аббревиатурой и номером комнаты. Еще большее недоумение вызвал этаж, на который надо было подняться... Она представляла себе это по-другому. Потом случился еще один шок – Лена вела себя так странно, что казалось, она либо не простила мать, либо не узнала ее.

И вот сейчас Ирина Андреевна сидела в одиночестве и размышляла, как быть дальше.

«Может быть позвонить Игорю и вызвать его сюда? Хотя, как это может помочь? Смягчит дочь? Еще надо разобраться, где она была!» – вдруг как-то злобно подумалось ей.

И эта злоба совершенно не соответствовала эмоциям последних дней, чувствам, которые она испытывала, когда мчала сюда на машине, радужным планам, которые строила.

«Нет, надо разобраться. Надо поговорить с доктором, а то я в этой запарке даже не спросила, почему Лена здесь, чем болеет, и где ее нашли. Все случилось так быстро».

Действительно, когда Ирина Андреевна добралась до нужной комнаты на нужном этаже ее настолько переполняли эмоции, что она не стала, да и не могла, спрашивать врача, а попросила сразу же отвести к дочери.

xxxxx

Лена шла по коридору, размышляя о том, что теперь делать. Говорилось о маме, к которой ее ведут эти люди в белых халатах. Может быть она зря убежала? Может эта утренняя тетка и не была ее мамой, а была какой-нибудь дальней родственницей? Поэтому она ее не помнит? Может быть, она, эта родственница, повезет ее к маме? Может быть, врачи желают ей только добра и вели ее изначально... вели ее... Она не смогла придумать куда и стала думать о маме.

Мама... с ней были связаны самые теплые переживания. Причем они, эти переживания, не оформлялись в картинки, а только в ощущения и эмоции. Она точно знала, что мама ее всегда и много целовала и обнимала, и, казалось, тело помнит мамины руки, а лицо – мамины губы... Она точно знала, что мама любила гладить ее по голове... что у мамы был тихий голос, и она много смеялась... Она чувствовала, что мама была для нее не то чтобы безопасна, мама была уютна что ли. Если мама была рядом, то она ничего не боялась, а эта женщина ее испугала. Лена так и не могла вспомнить, как выглядит ее мама, но была уверена в отсутствии хотя бы минимального сходства с этой незнакомкой...

«Моя мама была такой прекрасной... – думала она с грустью. – Моя мама...»

Их путь закончился около двери, которая резко распахнулась, и туда быстро была втиснута Лена вместе с доктором, обладающим «мягким» голосом. Державшие ее руки разжались, а дверь была моментально закрыта на ключ снаружи.

«Почему нас закрыли снаружи?» – изумилась Лена, и даже хотела спросить, но не успела, потому как доктор сказал кому-то, остававшемуся в стороне от ее взгляда.

– Ну вот и ваша дочь. Прошу... – он подтолкнул Лену немного вперед, окончательно освободив ее из своих рук.

Лена сначала очень обрадовалась. «Мама!» Она вчера и сегодня мечтала увидеть маму, она так много сделала для этого. Она бежала, убежала, пряталась, чтобы маму увидеть. Ее сердце забилося в сладостном восторге и замерло от счастья, а губы уже начали расплываться в улыбке, когда она услышала знакомый и незнакомый голос одновременно.

– Лена, что такое?

Она знала совершенно точно, что этот резкий и самоуверенный голос никогда не принадлежал ее маме, а еще она знала, что он принадлежал той незнакомой женщине, которая обнимала ее сегодня в палате. И она отшатнулась. А отшатнувшись, опять попыталась бежать к двери, да была остановлена мягко и в тоже время уверенно доктором, загородившим ей дорогу.

– Ты же слышала, что дверь закрыли снаружи. Ты не сможешь убежать. Ты сможешь выйти отсюда только со своей мамой, – и он показал глазами на самозванку.

Лена молчала.

– Давай с тобою поговорим. – сказал доктор, делая знак ее «маме» не пытаться вступать в их диалог, – Давай ты расскажешь, что не так, и что случилось с тобой, когда ты ушла из дома, где ты была все это время, и почему ты не хочешь узнавать маму.

– Она не моя мама, – прошептала Лена и заплакала.

– Лена, этого не может быть. Мы провели все анализы. Мама подтвердила, что ты – ее дочь, и у нас нет оснований не верить всему этому. Возможно, что-то произошло с твоей памятью, возможно, ты помнишь, что случилось с тобой за эти несколько дней или какой-то эпизод или несколько эпизодов, не обязательно много.

– Это не моя мама, – опять сказала Лена и закрыла лицо руками.

– Хорошо, – сказал доктор, – Тогда скажи, какая твоя мама. Расскажи нам, какие у нее волосы, глаза, в каком доме вы жили. Вспомни своего папу. У тебя был папа?

– Я не знаю. – прошептала Лена и заплакала еще горше.

У нее сложилось чувство, что доктор не поверил ни одному ее слову, а спрашивает только из вежливости перед этой яркой женщиной. Почему они хотят ее отдать этой тете и не хотят найти ее маму? Хотя как найти, если она не может вспомнить ничего о себе? Как найти?

Она плакала, плакала и почти не заметила, как к ней тихо подошла женщина и приобняла за плечи. А доктор начал говорить.

– Знаешь, мы не можем понять, что с тобой случилось, и почему у тебя пропала память, но тебе придется с этим жить и привыкнуть к тому, что ты не будешь помнить ни друзей, ни родных, Мы не знаем, что за стресс вызвал амнезию, потому что физических повреждений нет, здоровье в полной норме. Что-то приключилось с тобой, после чего психика не выдержала и дала сбой. Ты, попав сюда, проспала сутки без перерыва. Ты так крепко спала, что мы смогли сделать практически все обследования, не разбудив тебя. И только с последнего ты сбежала, но оно и не было обязательным, потому что и так все ясно. У нас нет сомнений в том, что ты – Елена Головачева, а это – твоя родная мама, которая должна увезти тебя домой. Я надеюсь ты меня понимаешь. Держать тебя в клинике нет смысла, а память... – и он на какое-то время задумался, – Она восстановится... не сразу, но восстановится обязательно, и ты все вспомнишь – и подруг, и родителей. Просто прими эту ситуацию и не надо больше убегать. Лучше жить с родителями, чем в стеклянном больничном боксе госпиталя с чужими людьми.

– Да, Леночка, – сказала тоже заплакавшая «мама» – Лариса о тебе спрашивала. Да и из школы звонят, беспокоятся... Все наладится, ребенок, все у нас будет хорошо.

И это ласковое «ребенок» прозвучало до боли знакомо и заставило ее усомниться в своей безапелляционной уверенности. «Ребенок»... А может ей не врут? Что за смысл врать ей? Вот и эта, «не ее мама», тоже рыдает... а может, она и ее мама...

Пробуждение 2

Было странно проснуться в незнакомом месте. Она рассматривала потолок, пытаясь понять свои чувства и решить как ей быть дальше. Она пыталась вспомнить прошлое и не могла. Это странное состояние жизни, когда ты всем должен верить на слово.

– Это твой папа, – услышала она вчера. И ничего внутри не отозвалось на эти слова. Вернее внутри-то отозвалось, но когда она увидела незнакомого человека в незнакомой ей квартире, в которую ее привезла незнакомая ей женщина, требующая называть себя мамой, то чувство разочарования накрыло ее с головой. Она видела искренние чувства «отца», она чувствовала его объятия, но ответить на них у нее не было сил. И когда под шепот «мамы»: «Ей надо отдохнуть, а я тебе все объясню», она закрыла за собой дверь комнаты, куда ее привели, то, кроме большого облегчения, ничего не испытала.

Ей надо было подумать. И она думала, анализировала, вспоминала и потом заснула. Она не слышала всхлипываний «мамы» на кухне и мягкого говора «отца», не чувствовала запаха валерьянки и мятного чая и тем более не беспокоилась о том, что принесет завтрашний день. Теперь, открыв глаза, она как раз пыталась представить, что ее ждет сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.